

евгений гришковец
продолжение
жизни

Евгений Валерьевич Гришковец
Продолжение ЖЖизни
Серия «ЖЖизнь», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606985
Продолжение ЖЖизни: Астрель; М.; 2010
ISBN 978-5-17-063416-3

Аннотация

Книга «Продолжение ЖЖизни» основана на интернет-дневнике Евгения Гришковца. Еще один год жизни. Нормальной человеческой жизни, в которую добавляются ненормальности жизни артистической. Всего год или целый год.

Возможность чуть отмотать назад и остановиться. Сравнить впечатления от пережитого или увиденного. Порадоваться совпадению или не согласиться. Рассмотреть. Почувствовать. Свою собственную жизнь.

В книге использованы фотографии Александра Гронского и Дениса Савинова.

Содержание

21 июля	4
23 июля	5
24 июля	6
28 июля	7
3 августа	8
6 августа	10
8 августа	11
10 августа	12
13 августа	14
15 августа	16
17 августа	17
20 августа	19
24 августа	20
27 августа	22
30 августа	24
1 сентября	25
3 сентября	26
4 сентября	28
6 сентября	31
9 сентября	32
12 сентября	34
16 сентября	35
21 сентября	37
23 сентября	38
28 сентября	40
30 сентября	42
11 октября	43
12 октября	45
13 октября	47
14 октября	48
16 октября	49
18 октября	50
24 октября	53
27 октября	54
31 октября	55
5 ноября	56
6 ноября	58
8 ноября	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Евгений Гришковец

Продолжение ЖЖизни

21 июля

Позвонила Ира Юткина, с которой мы много лет вместе работаем, и сообщила, что мой ЖЖ атакован ботами. Это была пятница, и я находился за городом. Честно говоря, сначала испугался. Я человек в компьютерном смысле весьма безграмотный, и слова «атака ботов» прозвучали для меня как «атака клонов». Я даже на четверть секунды представил себе атакующих ботов, похожих на клонов из «Звёздных войн». Они атаквали стройными рядами (*улыбка*).

Оказывается, боты – это просто компьютерные мерзавцы. Они загаживали страницы моего ЖЖ бессчётными матерными комментариями, которые невозможно было быстро забанить, скорости не хватало. Ире пришлось (а она имеет такую возможность) на некоторое время вообще отключить комментарии. Сейчас вроде всё в порядке. Но для меня боты – это и теперь какие-то мерзкие, а главное – абсолютно неживые, киношные персонажи. Будем начеку. Кстати, есть ещё некие деятели, которые регистрируются под моим именем в «Одноклассниках» и других пространствах интернета. Не верьте, это не я. Я существую только ЗДЕСЬ, а все остальные – боты.

Погода стоит не очень. Не тепло, не холодно. Сильные ветры и дожди. Сегодня был в Светлогорске. На некоторое время вышло очень яркое солнце, и кто-то даже купался от отчаяния. А люди вокруг ходили в свитерах, куртках и плащиках. Показывал своему товарищу из Владивостока нашу прибалтийскую жизнь. Ему очень нравится, а мне приятно. Он прилетел со своим другом и коллегой, который хотел посмотреть Калининград. В пути у коллеги лопнул сосуд на ноге, и образовалась большая гематома. Мы сразу из аэропорта отправились к врачу, который сказал, что больного необходимо как можно скорее прооперировать. Друг моего друга принял решение оперироваться в Москве и улетел, не пожелав лежать в больнице незнакомого города. В Калининграде он пробыл всего два часа – на моей памяти это самое короткое посещение города после столь долгого перелёта.

Сегодня мы с оставшимся в Калининграде товарищем обедали в загородном ресторанчике. Он заказал кровяную колбасу с кашей, и когда её ел, из Москвы позвонил наш больной и сообщил, что гематома уменьшилась и ему лучше. А мой приятель в ответ сказал, что как раз ест очень вкусную кровяную колбасу. Я чуть не подавился от смеха. Почему-то ещё вспомнился чемпион Олимпиады-80 в Москве *по фехтованию* по фамилии Кровопусков (*улыбка*).

А ещё к нам в гости приехала наша одноклассница Вита (мы с женой учились в одной группе в университете), которая живёт в Магадане, работает там на радио.

Не виделись мы шестнадцать лет. За эти годы... а что за эти годы? За эти шестнадцать лет сделано всё, что сделано. Включая детей, седину и морщины (*улыбка*). Хорошо, что она приехала, нашла силы, время, решилась на такое дальнейшее путешествие, не опасаясь того, что за шестнадцать лет мы изменились. Хорошо от неё. Столько разговоров, воспоминаний, рассказов. Да и нам есть что рассказать. Шутка ли, шестнадцать лет!

23 июля

Через два дня в Москве появится в продаже аудиокнига «Следы на мне». Это моя первая в прямом смысле аудиокнига. Там нет никаких эффектов, я просто читаю рассказы собственного сочинения. Когда их читал, понял, что без зрителей, точнее, слушателей обойтись не могу. Поэтому то, как я её начитывал, слушали два человека – Олег Нестеров и Ирина Юткина. Текст начитан не очень чисто, не артистически, но те, кто слушал, говорят, получилось хорошо. Пять с лишним часов моего бормотания. Я свой голос не люблю, поэтому сам не слышал (*улыбка*).

Поскольку отдыхать я не умею, в свободное время занят новой редакцией текста «ОдноврЕмЕнно». Пишу медленно: работа большой радости не доставляет. Хотя получается забавно, сам процесс странный. На сцене у меня есть декорации, музыка, предметы, жесты, интонации, а главное – возможность управлять темпом и ритмом подачи текста. На бумаге же только буквы. Приходится многое переделывать, но всё же пишу. Иначе, промаявшись целый день от безделья, теряю самоуважение. И для того чтобы почувствовать трудовую усталость, чтобы улетучилась тревога оттого, что я что-то упускаю и теряю время... пишу перед сном три-четыре страницы, то есть три-четыре часа. Но иллюстрации, которые задумал к тексту Петя Ловыгин, стоят этих усилий.

На днях мне попал на глаза текст сочинения, которое писала в апреле, на конкурс, моя дочь. Наташин текст меня поразил и обрадовал. Я так в свои двенадцать даже не думал, и точно не мог так излагать. Я очень хорошо себя помню в этом возрасте. А ещё меня огорчило и порадовало то, что это сочинение учительница даже не приняла. Ей не понравилось, и потом она сочла, что высказывание слишком короткое и Наташа просто поленилась. Я согласен, текст совершенно «неформатный» (*улыбка*): Наташа уже не «в формате».

«Кто я? Что я?»

Кто я? Этот вопрос мучает меня очень давно. Я понимаю, что я Человек и живу Сейчас. Мои мысли по этому поводу нельзя объяснить. И даже я не могу их понять. И наверняка в глубине моего сознания уже есть ответ. Он уже там есть, но никогда не пойму его я. И не должна понимать его, потому что я должна Жить. Тот самый секрет может знать только тот человек, который не ищет ответа, а просто живёт счастливой жизнью. Осознание того, что «в глубине моего сознания уже есть ответ» – делает меня счастливой.

Всё. Я не могу тратить больше времени на обсуждение этой темы, ведь я должна Жить.

Наташа Гришковец. 12 лет. 6 «А» класс.

24 июля

Наташа, наша доченька, осталась недовольна тем, что папа выложил сочинение в ЖЖ. Она искренне недоумевает, чего же хорошего мы в нём нашли. Сказала обиженно, что написала его так, промежду прочим, а могла бы написать намного лучше. Но с другой стороны – ей было приятно, что ЗДЕСЬ её похвалили. Сегодня я полетел в Москву, а она, обиженная, пошла с подружками смотреть фильм «Хэлбой». Обычно мы смотрим кино вместе, но что-то после «Валли» я «Хэлбоя» смотреть не захотел.

Никак не могу приучить её читать книги. Читали ей вслух и Джека Лондона, и «Мумми Тролля», и «Карлсона», ей это до сих пор нравится, а вот сама не читает. Пока ещё книга не стала для неё источником особого и сокровенного удовольствия и переживания. Я в её возрасте читал запоем. Но этот аргумент я ей не привожу (*улыбка*), думаю, вчитается когда-нибудь...

В Москву прилетел в пять вечера, меня ждал Пётр Ловыгин с камерой, и мы, ловя прекрасное закатное солнце, осуществили первые съёмки видео «Зелёные глаза». Напоминаю, что «Бигуди» сделали эту вещь в индийском варианте специально для видео. Я, прямо в поле, переоделся в индийские одежды. Когда три года назад был в Индии, купил себе пенджаби и белых штанов. Вот в этом наряде я и обтанцевал почти все поля вокруг Шереметьева-1 и Шереметьева-2. Надо мной очень низко пролетали самолёты, пели птицы, мимо проезжали на велосипедах изумлённые селяне. Я их понимаю. Выйти из дома под Москвой и увидеть, как снимается индийское кино, – не каждый день случается. Честно оттанцевал. Танцы закончились, когда село солнце. Надеюсь, видео получится хорошее.

28 июля

Три дня провёл на Севере, впервые посетил Мурманск, Североморск, Полярный, ещё несколько посёлков. Побывал на кораблях, «принимал» парад на катере командующего, но главное – спускался в кубрики, посидел в кают-компаниях с офицерами, поел макарон по-флотски, выпили, конечно... Офицеры все уже моложе меня. Я имею в виду тех, кто служит на кораблях. Даже командиры кораблей моложе. Штабные и отставные, конечно, постарше будут.

Хорошие мужики там служат, настоящие, с юмором и какой-то отчаянной жизнерадостностью. Спустился я в кубрик на малого ракетного корабля «Рассвет», понюхал воздух, посмотрел на трёхъярусные койки, рундуки... и подумал: «Как у меня получилось так долго жить в таких условиях...» Довольно часто слышу от своих ровесников или даже тех, кто постарше, мол, с удовольствием бы сейчас послужил, вспомнил молодость, как было тогда хорошо, просто и всё понятно. А я отчётливо сознаю, что тогда смог всё пережить и жить дальше только по той причине, что был юн. А сейчас бы, наверное, с неделю продержался на той еде, которой нас тогда кормили, да и помер (*улыбка*). Только юность и спасала.

В Североморск приходили три корабля «супостатов»: норвежский, английский и американский. Было неприятно, что к нам прислали три заштатных, небольших, некрасивых и плохо ухоженных корабля. Норвежский был ещё более-менее, а вот англичане с американцами могли бы прислать что-нибудь посимпатичнее. Но офицеры английские, американские и норвежские выглядят хорошо. Породистые, поджарые, без излишнего золота на погонах, не увешанные значками и юбилейными медалями. В общем, выглядят импозантно. И ещё они не носят этих огромных, нечеловеческого размера фуражек, которые почему-то так полюбились многим нашим офицерам. Зато матросики с «супостатных» кораблей выглядели не очень. Американские матросы какие-то взрослые, в большинстве своём полноватые, могли бы быть похудее. Да и лица бы им немножко... ну, более выразительные, что ли (*улыбка*). А вот норвежцы были смешные. Они служат год, мальчишки совсем. Отпустили их с корабля в увольнение, дали рублей и разрешили выпить. После второй рюмки они почувствовали себя настоящими викингами...

Видел в Мурманске большую рекламу: «Наращивание ногтей ночью», и адрес. Что они, интересно, имели в виду? У них же зимой полярная ночь. Может, они имели в виду наращивание ногтей зимой (*улыбка*)! А вообще-то Мурманск не показался мне столь бурлящим и деловым, чтобы кому-то не хватило днём времени нарастить ногти. Видел ещё магазин под названием «Аня», на нём было написано «„Аня“ круглосуточно». А в Североморске встретился павильон под названием «Ой!» Ну это уже так... По сравнению с ночным наращиванием ногтей...

Уезжал очень рано утром. Было плюс шесть, летела холодная морось, и совершенно невозможно было представить, что где-то тепло, и море бывает тёплым, и кто-то там изнывает от жары.

3 августа

Съездил (не буду говорить куда) и сыграл маленькую роль в кино. Как будет называться фильм, пока точно не известно. Сценарий целиком не читал, а роль очень маленькая. Зато была возможность сыграть в кино летом, к тому же книгоиздателя. Я согласился участвовать в съёмках ещё и потому, что был занят всего два съёмочных дня, и в кадре мой персонаж один и всё время говорит по телефону. То есть ни с кем не нужно было репетировать и не нужно было чётко выучивать роль.

Мне нравится играть в кино. Правда, я мало снимался, и у меня всё время были только эпизоды. Но с самого начала, сразу, мне очень понравилось сниматься в кино. Как-то в интервью я сказал, что кино – это высокооплачиваемый отдых. В литературе и театре я всегда несу за всё ответственность, потому что я автор. А в кино исполняю поставленную передо мной задачу. И в любом случае являюсь только частью чего-то большого и целого. Я, конечно, стараюсь играть как можно точнее, но не несу ответственности за то, каким получится фильм.

В кино об артисте заботятся, тебя привозят, увозят, снимают тебе хорошую гостиницу, подбирают костюмы, за тобой постоянно присматривает гримёрша, на съёмочную площадку вовремя привозят еду. Только, когда снимаешься, совершенно непонятно, какое получится кино. Например, когда снимался фильм «Азazelь», на съёмочной площадке было обильно, весело, дружелюбно, все ходили в исторических костюмах, красивые интерьеры, и мне очень нравилось. А фильм не получился. А в фильме «Прогулка» я снимался зимой, в то время как основные съёмки были проведены летом. Съёмки со мной проходили ночью, да ещё в боулинге, причем довольно мучительно. С тех пор боулинг я возненавидел. Но фильм получился. Так что когда у меня есть время, когда сценарий даёт хоть какую-то надежду (чаще всего присылают безнадёжные сценарии (*улыбка*)), когда роль не очень большая и у меня есть такая возможность... я с удовольствием снимаюсь.

Последние съёмки были в прошлом году, в мае, в Киеве. Снимался вместе с Гошей Куценко в украинской картине «Тринадцать месяцев». Играл друга главного героя. На Украине фильм прошёл, отклики были неплохие, а критики я не читал. Какое получилось кино, представить себе не могу. Но мне за эту работу не стыдно. Сценарий был интересным, было что поиграть. Когда мы снимались, рабочее название было «Хроники утопленника», потом «Хроники утопающего», а вышел он на экраны как «Тринадцать месяцев». Меня довольно много спрашивают про этот фильм, а я ничего не могу сказать. Не видел.

Во время совместной пресс-конференции с одним весьма известным киноартистом нам задали вопрос о сути актёрской профессии. Вопрос этот может конкурировать по степени оригинальности только с вопросом о творческих планах. Но мой коллега пустился в рассуждение о том, какая невыносимо трудная актёрская профессия, и о том, что каждый раз, играя роль, он проживает чужую жизнь, и на эту чужую жизнь артист тратит собственную... Ну и прочую ерунду. А я тогда поулыбался (потому что всё-таки мой коллега – хороший парень, просто он артист) и сказал, что для меня съёмки в кино – это высокооплачиваемый отдых. Ещё я добавил, что когда актёр снимается сразу в трёх фильмах, переезжая с одной съёмочной площадки на другую, когда он не сразу может вспомнить, в каком фильме нынче снимается, когда он не может отказаться ни от одного сценария и мечется между городами и съёмочными площадками и после съёмочного дня не едет в гостиницу отдохнуть, а либо пьёт, либо... а потом не может вспомнить по голосу или номеру телефона, что за барышня ему написала или позвонила... при таких обстоятельствах актёрская профессия – действи-

тельно очень тяжёлая работа. И мой коллега, смеясь, сказал: «Женя, с-с-сука, ну зачем ты так?!»

Вообще-то я с детства мечтаю сняться в большой роли и в значительном фильме. Будет ли это детектив или экшн – неважно. Главное, чтобы кино было настоящее... А издателя, который издаёт всякую макулатуру, думаю, я сыграл хорошо, со знанием дела. Издателей я всяких повидал, и лучше хорошо сыграть плохого издателя, чем наоборот (*улыбка*).

Вчера у нас начался джазовый фестиваль, который проходит на открытом воздухе. Приехало множество иностранцев. Я джаз никогда не любил, но как это здорово, когда много людей, на зелёной траве... – и все счастливые. А на сцене первоклассные музыканты и очень хороший звук. Настоящий праздник. Сегодня люди слушали джаз под зонтиками. Надеюсь, завтра будет хорошая погода.

6 августа

На Калининград обрушилось ненастье, разверзлись хляби небесные. Весь день был сильнейший ураган и почти непрерывный холодный, косой ливень. А в воскресенье, ещё тёплым вечером, на закрытии джазового фестиваля играла группа «Вайя кон диос», та самая, старая бельгийская группа! Помните? Хэй-на-на-на... Была прекрасная атмосфера, и люди танцевали на траве под почти не изменившийся хрипловатый голос очень повзрослевшей и без того в своё время взрослой солистки. А потом разбредались с концерта со счастливыми лицами.

Два моих близких приятеля, которые живут в Омске, решили лететь в Рим через Калининград и радостно мне сообщили, что у нас будет возможность увидеться и часика два пообщаться. Они ещё взяли с собой для меня шикарную свежайшую рыбу, большого муксуна и ещё какую-то, я не смог их отговорить. Мои доводы, что я не люблю рыбу и что не надо таких жертв, не подействовали. Короче, с утра была нелётная погода, все рейсы из Калининграда и на Калининград задерживались, рыба растаяла, а стыковка между рейсами получилась совсем короткая. Увидеться не удалось, несчастная рыба долетела до Рима, где и была выброшена в первую же итальянскую помойку. Обидно. Друзья так старались! Я, правда, этой рыбы не хотел, но мне её стало жалко. Не самая лучшая судьба – вырасти из малька в Иртыше и быть выброшенной в Риме в мусорный контейнер.

8 августа

Сегодня был хороший день, длинный-длинный. Бывают такие дни, когда не поступает ни одного неприятного звонка, ни одной неприятной новости. Правда, из программы новостей беспрерывно доносились тревожные сообщения о конфликте между Грузией и Южной Осетией. Не хочется, чтобы там всё осложнилось. Всё так непонятно и запутано, а правда как всегда посередине. Но неясно, где эта середина.

Вчера похоронили Солженицына... Неприятно смотреть на то, как власть старалась отметиться на этом скорбном мероприятии. Власть в своё время изображала, что прислушивается к нему...

Я был слишком мал, а потом юн для того, чтобы понять значение Солженицына в то время, когда его преследовали. А потом меня слишком интересовала и беспокоила реальная жизнь и моя собственная судьба, чтобы глубоко проникнуть в его литературу и идеи. Так что Солженицын всегда был для меня чем-то просто значительным, просто присутствующим в этом мире и меня не затрагивающим.

Но в моей жизни был момент прямого контакта с Солженицыным. Великий режиссёр Глеб Панфилов пригласил меня сняться в фильме «В круге первом». Предстояло сыграть некоего писателя Н. Галахова. На самом деле это не кто иной, как Константин Симонов. Я с радостью согласился, но у писателя Галахова в романе совершенно нет текста, и мне самому пришлось написать монолог своего героя. Солженицын очень внимательно следил за съёмочным процессом и не допускал никакой отсебятины, но написанный мною текст он утвердил, хотя это и не совпадало с его трактовкой образа Симонова. Я постарался в монологе придать Симонову больше трагизма и благородства, чем было у Солженицына, который явно Симонова не любил. То, что он утвердил мой текст, меня порадовало, и я оценил способность классика слышать другое мнение. Вот и всё, что я могу сказать о Солженицыне. Мне понравился эпизод, который получился в итоге. Говорили, что Солженицыну тоже.

Сегодня от своего приятеля-книгоиздателя узнал, что скоро выйдет книга про способы лечения мобильным телефоном. Это потрясло моё воображение. Видимо, сильная книга. Интересно, о чём там написано. Лезут в голову самые смелые предположения... «Нокия» лечит одно, «Сони-Эриксон» – другое, «Самсунг» – третье (*улыбка*). Узнаю про книгу поподробнее, сообщу. Чем только жулики не лечат нашего брата!

10 августа

Последние несколько дней при любой возможности включаю телевизор и смотрю практически одни и те же репортажи, переключаясь с канала на канал. И ничего не могу понять. Ужас... Раньше, чтобы разобраться в чём-то, смотрел Би-би-си и Си-эн-эн. Сейчас это не помогает, скорее наоборот. Как же мне обидно, и как много совершено непоправимого! Я называю такое шагами в безвозвратное (это мой собственный термин). Обмениваюсь короткими эсэмэсками с грузинскими друзьями. Они в полной растерянности и тоже мало что понимают, но нам уже ясно, что увидимся мы нескоро. Олимпиада как-то померкла, а я её так ждал. Ждал, как летнюю радость. Я не спортивный болельщик, но в Олимпиаде что-то и меня цепляет. А сейчас от военных репортажей отключаюсь совсем ненадолго.

Но всё же воздержусь от каких-либо соображений и комментариев по поводу того, что происходит. Страдаю – и жду хоть какой-то ясности, хоть каких-то внятных действий от тех, кто в этой ситуации может действовать.

Расскажу о своих впечатлениях более чем полуторагодовой давности. Я тогда был в Тбилиси со спектаклем. И мне довелось наблюдать президента Саакашвили и даже поговорить с ним несколькими словами. Я как-то писал об этом, сейчас расскажу подробнее.

Был вечер, будний день. Мы сидели с моим другом в старом Тбилиси в маленьком «французском» кафе, беседовали. Народу немного, занято три-четыре столика из пятнадцати. Вдруг в кафе зашли несколько мужчин в тёмных костюмах, один из них переговорил с администратором, после чего они стали подходить к столикам и просить людей покинуть кафе. Кому-то даже предлагали оплатить счёт в качестве компенсации. Нас тоже попросили удалиться. Мой друг человек небезызвестный, и ему люди в тёмных костюмах сообщили, что сейчас в кафе придёт президент. Мы безропотно собрались уходить, но на выходе мой друг встретил своего знакомого, который оказался начальником охраны Саакашвили и любезно предложил нам остаться. Мы пошли допивать свой кофе. Вскоре появился Михаил Саакашвили с бывшим министром обороны (не помню его имя, он вроде теперь в Лондоне или Париже) и ещё каким-то министром. С ними были ещё две дамы, явно государственного уровня. Они уселись за столик, довольно громко говорили, смеялись. А потом, через начальника охраны, попросили нас подойти к их столику. Мы подошли... Мне было любопытно, и я шёл, стараясь быть весьма доброжелательным и вежливым. Я не мог не испытывать уважение к президенту страны, в которой живёт много моих друзей и которую я люблю.

Нас не пригласили сесть. Когда мы подошли, с нами не сразу поздоровались, потому что сидящие продолжали вести разговор между собой. Для нас с моим другом повисла неловкая и унижительная пауза. Саакашвили сидел, развалившись в кресле. Неожиданно он прервал разговор и поздоровался с моим другом. Сделал он это, не поменяв вальяжной позы, говорил по-грузински, но мой друг ответил ему по-русски. Мой друг представил меня, президент перевёл на меня взгляд и не меняя позы, почти без акцента сказал: «Здравствуйте, вам нравится Грузия?». Я ответил, что очень нравится. «Да, – сказал он, – хорошая страна. А я её президент». Было ясно, что он позу не поменяет и присесть не предложит. Тогда я сказал вежливо и почти смиренно: «А я писатель, который в России больше, чем писатель». Ещё сказал, что рад знакомству и, извинившись, пошел допивать кофе... Я тогда впервые встретился в Тбилиси с грузином, в котором не было доброжелательности, не было элегантного лоска, что так свойственен тбилисским мужчинам. Было видно, что он дурно воспитан, очень самолюбив. Он оказался, на мой взгляд, несимпатичным человеком, с неприятным голосом, лишённым всякого обаяния. До сих пор недоумеваю, как он мог стать президен-

том страны с такой выдающейся культурой, где так много блистательных, образованных, талантливых людей.

Я поделился здесь своим личным впечатлением и не хотел бы ни с кем вступать по этому поводу в полемику. Я наблюдал Саакашвили в течение, может быть, минут сорока, а разговаривал с ним одну минуту, но у меня нет никаких иллюзий насчёт этого человека. Он для меня совершенно не соотносится с моим знанием и пониманием Грузии и грузин. Хотя я так же отлично знаю, что он по-прежнему весьма и весьма популярен в своей стране. Какая беда!

Сколько я слышал разговоров, мол, хороший парень, отличный мужик, взял и женился на стерве, превратился в подкаблучника, а раньше был о-го-го! Среди моих друзей тоже такие есть... Слушаю я эти разговоры и всегда знаю, что никто его из-под палки жениться на стерве не заставлял. Значит, есть в нем что-то такое, значит, именно это ему и было нужно...

Слишком быстро меняется обстановка и мои переживания в связи с происходящим. Очень хочется быть точным и понятным, остаться на уровне частных и сугубо человеческих впечатлений и ощущений... Не могу уснуть, получаю разрозненные эсэмэс-сообщения от друзей из Тбилиси и других грузинских городов. Сообщения сдержанные, мужественные. Друзья стараются меня успокоить, опасаются того, что связь может прерваться окончательно. Спешат заверить в дружбе и любви. Слышат взрывы либо недалеко от Тбилиси, либо в самом городе... И в них, и во мне растут НЕПОНИМАНИЕ и УЖАС. Борюсь изо всех сил с закипающей во мне ненавистью – к тем, кто всё это затеял и начал, кто бы они ни были. Боюсь, всё будет ещё страшнее, чем мы можем себе представить. И очень хочу, чтобы движение в безвозвратное было остановлено. Как же больно ощущать собственную беспомощность и неспособность не только что-то сделать, но и что-то понять!

13 августа

Могу написать что-то только теперь. Вчера несколько раз собирался было писать СЮДА, но не хватало сил справиться с раздражением и гневом. Сейчас уже могу...

Я догадывался, что на предыдущий текст будет много откликов, никак не связанных с содержанием и смыслом сказанного. Но всё же оказался не готов к такой волне истерики и злобы. А главное, не был готов к такому тотальному недоверию – не только ко мне, но и вообще к кому бы то ни было. И это недоверие вылилось в отчётливую неспособность слышать другого человека.

Как много людей написали мне с позиции ВЫ и МЫ! Как много прозвучало: «Вы, русские»! Я к такому разговору не готов. В этом звучит для меня такое оголтелое и непрожитое прошлое, такая дикость... Собственно, в такой позиции уже содержится война. Я не могу и не буду опускаться до такого разговора, мне он непонятен. И я не ожидал встретить в комментариях столь сильного наслаждения собственной злобой. Злобой, которая питается всем самым низменным и нечеловеческим.

Ясно, что такая злоба не даёт её обладателю способности и возможности слушать и слышать, понимать, сочувствовать, сопереживать. Да в общем, те, кто изливал ненависть, брызгал истерично слюной... даже не пытались сопереживать по-настоящему, а упивались поводом для злобы. В этой злобе нет к состраданию тем, кто попал в тот ужас, что творился и творится в Грузии. Только злоба. И убогое, бессмысленное и лютое ощущение конкретного врага, а главное – отчётливое желание этого врага уничтожить. Я прочёл в комментариях столько «войны», что стало действительно жутко.

Находясь здесь, во Франции, я постоянно был на связи со своими тбилискими друзьями. Кто-то из них впал в отчаяние, кто-то держится мужественно и сохраняет способность здраво, спокойно и взвешенно рассуждать. Кто-то растерялся, кто-то высказал мнение, с которым я категорически не согласен, а он не согласен с моим... Но мы разговаривали. Понимаете?! Разговаривали и разговариваем, мы не перешли на «мы» и «вы». Вчера утром даже продолжили обсуждать возможность постановки моего спектакля в Тбилиси, осуществить которую собираемся следующей осенью. Я нисколько не сомневаюсь, что мы это сделаем.

Никто из моих друзей в Тбилиси не высказал уверенности в том, что вполне понимает происходящее. А все те, кто тут изрыгал злобу и ненависть, безо всяких сомнений уверены, что всё прекрасно понимают – и даже понимали заранее.

А я не уверен, что правильно поступил, написав предыдущий текст. Не уверен! Но тем не менее я очень хотел предложить иной способ разговора, иную интонацию. Что и сделал – сильно сомневаясь и тщательно подбирая слова. О сделанном не жалею, несу за это ответственность. Слышите, крикуны?

А ещё тем, кто так ёрничал по поводу фразы «Я писатель, который больше, чем писатель»... Знаете, когда-то поэт сказал: «Поэт в России больше, чем поэт». Так вот, пока ещё писатель в России больше, чем писатель. Правда бывают писатели, которые меньше, чем писатели, но про таких не вижу смысла говорить. А есть политики, которые меньше своих стран, они просто не соответствуют масштабам стран, которые представляют. Они есть, и мы их знаем. И в этой ситуации не надо смотреть на соседа... Я не о соседях...

Выработалась у меня такая мантра, которую я часто проговариваю про себя, когда встречаюсь с хамством, пошлостью, когда вижу постыдные действия наших политиков, когда вижу отвратительное поведение моих соотечественников, когда встречаюсь с некомпетентностью и непрофессионализмом, ложью, жадностью, вероломством и прочим, когда ЗДЕСЬ читаю бессмысленные и злобные слова, – я проговариваю про себя, спокойно и монотонно: «Они не заставят меня разлюбить Родину, они не заставят меня разлюбить Родину...»

Одна дама из Нью-Йорка по поводу предыдущего поста написала, мол, неужели я не понимаю, что президент государства имеет гораздо более высокий статус, чем я. На что я ответил: «Статус есть только один – человек, остальное – должности».

Я отлично понимаю, что писатель – это тоже должность (*улыбка*).

15 августа

Вчера и сегодня усилием воли заставил себя оторваться от новостных каналов. Считаю необходимым успокоиться и разобраться в отношении к произошедшему. Ясно, что восстанавливать прежние отношения бессмысленно. Произошло непоправимое... Помню, больше десяти лет назад, когда жил и работал в городе Кемерово, в театре, которым я руководил, постоянно возникали конфликты, тянулись дразги, прорывалась накопившаяся за семь лет усталость друг от друга (а возраст театра тогда составлял критические семь лет). Я постоянно чувствовал, что назревает скандал. Причём вспыхнуть он мог в любую секунду, из-за ерунды. Тогда я обратился к своим друзьям и коллегам с просьбой: «Ребята, пожалуйста, постарайтесь не сделать и не сказать того, после чего прежние отношения будут невозможны». Мои слова не помогли. Много было сказано... Сейчас мы снова друзья, но только я в Калининграде, а мой театр – в Кемерово.

По поводу прошедших событий сейчас много будет сказано – со всех сторон. Кто-то в этой борьбе проиграет, а кто-то победит. Кто-то обязательно наговорит лжи, а кто-то глупостей. Очень важно сейчас погасить в себе гнев. По возможности не ждать и не жаждать того, чтобы виновные были непременно наказаны. Очень важно, чтобы виновные были наказаны, но ещё важнее – не жаждать этого: важнее всего – жить дальше.

Много читал в ваших комментариях и слышал предложений издать мой ЖЖ в виде книги. Сначала категорически от этого отмахивался, но вчера мне показали выбранные редактором и слегка обработанные в виде обычного литературного дневника мои записи годовалой давности, и мне даже самому стало любопытно – потому что сам я свой ЖЖ не перечитываю.

Вчера же очень повеселились с Ириной Юткиной и с Сержем Савостьяновым (Серж – это тот прекрасный художник, который оформил все мои книги, альбомы и DVD). Веселились по телефону и при помощи эсэмэсок. Я спросил, как можно назвать такую книгу, если она, конечно, будет. Серж тут же предложил: «Великий пост». Долго мы резвились, перебирая варианты, и дошли до того, что стали делать предположения, как бы назвали свои книги классики, если бы они вели ЖЖ: Островский «Безфрендовница», Миллер «Блогсус», Олеша «ЖЖадность» – было ещё много удачных, я их не запомнил. Я предложил такие: К. Симонов «ЖЖивые и забаненные», Селинджер «На пропасть в ЖЖ», Ли Харпер «Забанить пересмешика», Тургенев «Мuuuuuu2357», Грибоедов «Горе от ИМХО», Оскар Уайльд «Аватар Дориана Грэя». Названия «Сто лет одиночества», «Полковнику никто не пишет», «Записки сумасшедшего», «Униженные и оскорблённые» и ряд других я бы оставил в неизменном виде.

Пытаюсь смотреть Олимпиаду, но французы, по понятным причинам, показывают только своих. А я и без того не болельщик и болеть за французов у меня не получается. И ещё не могу не сердиться на Тягачёва, который с какой-то стати заявил перед началом Олимпийских игр, что российская сборная рассчитывает на 80 медалей. Как же неприятно, когда такие люди делегированы представлять страну! Председатель олимпийского комитета: не может связать двух слов, красит волосы и выглядит не только не спортивно, но даже и не умно. А что он городил в Солт-лейк-сити! До сих пор не могу забыть своих переживаний и возмущения.

Сегодня на Лазурном Берегу сильный ветер и много медуз – вот и всё, что волнует здесь людей.

17 августа

Вспомнилась на днях история, произошедшая в 2002 году. Она не связана напрямую с теми переживаниями и тем более с теми событиями, которые мы все наблюдали в телеэфирах и за которыми следили в последние дни. Но я вспоминаю о ней, как о моменте, когда большая часть моих иллюзий по поводу того, что можно быть всегда адекватно понятым и что люди действительно хотят слышать другое мнение, улетучилась. Но именно после того эпизода я с ещё большим усердием стал настаивать на понятности высказывания. Даже без надежды, что поймут.

Мне кажется, я где-то уже рассказывал об этом, но расскажу ещё раз и подробнее.

В 2002-м, весной, я приехал на гастроли в Цюрих. У меня должно было пройти пять спектаклей в Ноймарк-театре. Это хороший средних размеров европейский театр. К тому моменту я уже вкусил прелести и трудности европейских гастролей в Финляндии, Англии, Германии, Франции... Перед началом гастролей была назначена пресс-конференция. Мероприятие проходило в красивом зале с видом на Банхофштрассе и площадь... ну, на которой те самые знаменитые швейцарские банки (*улыбка*). Беседа с журналистами шла приятная, со мной был немецкий переводчик, говорили о современной драматургии, спрашивали моё мнение о состоянии русского театра. И вдруг один журналист спросил меня о Чечне – какова моя позиция по чеченскому вопросу. Я сказал, что я приехал в Цюрих играть спектакли, а не обсуждать эти темы, и не хотел бы говорить об этом, поскольку чеченская тема тут же перевесит все профессиональные рассуждения о театре и драматургии. Но журналист настаивал, к нему присоединились другие. Я сказал, что по этому вопросу лучше собрать другую конференцию, не посвященную театральным гастролям. Кто-то сделал предположение, что я, должно быть, активно поддерживаю военный способ решения проблем. Ситуация стала накаляться.

Я никак не ожидал, что швейцарские журналисты, встретив нежелание говорить на эту тему, так резко заведутся. Кто-то из них припомнил, как незадолго до этого в Цюрихе выступали русские писатели и активно осуждали российское правительство. На что я ответил (отлично представляю себе, какотреагируют многие на то, что сейчас скажу, но тем не менее), что не вижу смысла использовать данную пресс-конференцию как трибуну для заявлений, в которых критикуется моя страна. Я это делаю дома и считаю трусливым и недостойным в ситуации совершенно безопасной делать безответственные заявления, которые здесь понравятся. И при этом дома я своего мнения по этому и другим вопросам не скрываю.

Тот журналист настаивал на том, чтобы я высказался. Мне пришлось ответить ему, что мое мнение весьма непростое, и оно не только сильно отличается от официальной российской позиции, но и не совпадает с неким европейским представлением о проблеме. Я попытался как можно спокойнее объяснить им, что они у себя в Цюрихе даже приблизительно не могут представить себе тот уровень ужаса и жестокости, который царит в Чечне. Я также сказал, что и я этого ужаса всецело не понимаю. Но уверен, что там проявляются такие формы сознания и такие представления о жизни, смерти и ценности человеческого существования, что здесь, в тихом Цюрихе, я не смогу найти слов, чтобы это передать. К тому же, уверен, сказал я, вам как журналистам это и не нужно. Вам нужно от меня другое: чтобы я как человек культуры и искусства однозначно осудил агрессию. А я могу только однозначно осудить войну, но включиться в дискуссию не могу, поскольку подробности мне неизвестны.

Они остались очень недовольны ответом. И тогда ещё один журналист ехидно спросил меня: «И после этого вы считаете себя европейцем?» Я ответил, что не только не говорил ни слова о том, считаю ли я себя европейцем, я даже не думал об этом. Однако из вопроса следует, что вы меня европейцем не считаете. И поэтому, боюсь, вы сами провели между нами границы, которые не позволят нам вести разговор. Ведь вы от меня ждёте определённого, нужного вам ответа, а другой вам не понравится. Тогда одна дама спросила меня: «А как русские отнеслись к трагедии 11 сентября?» Я сказал, что это весьма оскорбительный вопрос. В России есть разные люди, но в большинстве своём они отнеслись к этому с ужасом, состраданием, горем. Почему вы полагаете, что отношение к этому было иным, чем у вас? Я имею в виду лично вас и лично меня... Было ещё что-то сказано журналистами, что-то обидное и высокомерное...

И вот тогда я не выдержал. Для меня та ситуация была неожиданной, а опыта нервных пресс-конференций у меня ещё к тому моменту не было. Я рассердился, встал из-за стола, подошёл к окну, за которым была площадь, и сказал: «Вы-то что здесь так переживаете? Вам-то здесь чего бояться? У вас вот в этом банке деньги Джорджа Буша, в этом – Бен Ладена, а в этом – наших богатых ребят. Что вы здесь изображаете такое сильное участие в судьбах мира? У вас страна-то на страну не похожа». После этих слов они на какое-то время потеряли дар речи, а затем прозвучал вопрос: «А на что же она похожа?» – на который я очень быстро ответил: «Она похожа на прекрасную театральную декорацию, скрывающую цинично работающую банковскую систему. И этой системе абсолютно безразлично, откуда и какие деньги в неё поступают и сколько на этих деньгах крови... Кстати, сказав про декорацию, я вернул тему нашей пресс-конференции всё-таки к театру и гастролям. Но, боюсь, про театр вам слушать уже неинтересно».

Мой немецкий переводчик всё очень подробно переводил и был явно доволен. Всё-таки любят они там друг друга, в Европе. Французы немцев, немцы швейцарцев и австрийцев, бельгийцы голландцев, англичане итальянцев... Ох и любят! (*Улыбка.*)

Кстати, гастролы тогда прошли прекрасно. И ещё несколько лет я ездил играть в Ноймарк-театре. Журналисты на спектакли не приходили... игнорировали (*улыбка*).

20 августа

Здесь на пляжах люди читают «Асфальт». Встретился даже с дамой, доктором и профессором филологии, которая не только читала книжку, но и всю её исчеркала карандашом, делала свои профессиональные пометки. В частности, она выделила все мною употреблённые метафоры, которые я метафорами не ощущал (*улыбка*). «Рубашку» и французы читают, на французском языке, но книга так безобразно оформлена, что её даже неприятно брать в руки, и есть вопросы к качеству перевода. Это французское издание убедило меня в том, что европейским издателям доверять ни в коем случае нельзя. То, что у них в книжной культуре лучше вкус и более глубокие традиции, – это устаревший миф.

Позавчера многие французы трясли на пляже газетами, качали головами и обсуждали главную новость дня: покупку Михаилом Прохоровым виллы на Лазурном Берегу. Французов понять можно. Прохоров купил, по мнению газет, самую дорогую виллу в мире за 492 млн евро. Местные газеты смакуют, что Прохоров самый высокий (2 метра) из богатых людей мира, что он купил эту виллу, видимо, решив отомстить французам за Куршевель и что в саду его виллы ежедневно работают 50 французских садовников. Красиво, если это месть!!!

Обсуждать-то они это обсуждают, но что по этому поводу думают – непонятно. Я как-то разговорился с одним милым пожилым французским профессором, который преподаёт философию в Нанси. Он сказал, что ему грустно видеть, когда русские, украинские или казахские богатые люди покупают несколько бутылок коллекционного вина ценой дороже полутора тысяч евро за бутылку и выпивают это вино между делом, продолжая активные споры. Он говорил: «Для многих французов это вино совершенно недоступно, а если у них и случался опыт выпивания такого вина, то для французов это событие не только гастрономическое, но и культурное. Посмотрите, Эжен, как этот человек (он мне показал на двух толстяков за соседним столиком, которые говорили с сильным южно-русским выговором) берёт бутылку „Шато ля тур“. Он её хватает. Я пил такое вино всего несколько раз в жизни, и это были не просто ужины, я их все помню. Француз такую бутылку берёт бережно, с почтением и к вину, и к тому, кто это вино, сделал и к тем годам, которые Франция потратила на то, чтобы научиться делать такое вино, и к годам, которые бутылка ждала того момента, когда будет выпита. А он, смотрите, пьёт вино, продолжая курить сигарету. Я не завидую этим молодым людям (толстякам было около сорока. – *Е. Г.*), совсем не завидую. Мне просто печально видеть то, что я вижу».

Наши ребята (я имею в виду ребят из Украины, России, Казахстана, которые скупили здесь лучшие виллы, корабли и прочее и которые демонстрируют Лазурному Берегу свои дорогие машины, дорогих женщин и безупречно белые брюки) сильно ошибаются, если думают, что к ним здесь относятся с глубоким почтением... Хотя, надо отдать должное, некоторые всё же научились себя вести, научились быть респектабельными и хоть как-то своим поведением соответствовать своим капиталам. Но совсем немногие (*улыбка*).

Оказывается, обладатель самой дорогой в мире виллы Михаил Прохоров тоже ведёт ЖЖ. Только у него френдов меньше, чем у юного, небогатого, но очень талантливого фотографа и художника Пети Ловыгина. Надо бы Михаилу распорядиться, чтобы его хотя бы садовники зафрендили (*улыбка*).

24 августа

Сегодня вечером в Каннах публика ждёт русский салют. Готовит фейерверк калининградский мастер этого дела. Он действительно классный специалист, и мы у себя в городе привыкли к его чудесам. Что то он придумает на этот раз? Хотелось бы, чтобы это было прекрасно. А вчера в каннском Дворце фестивалей дал концерт ансамбль Балтийского флота. Артисты, одетые в морскую форму, играли, пели и плясали. Пожилые французские аристократы выражали детский восторг. Приятно. Всё-таки матросский танец «Яблочко» приведёт в восторг кого хочешь.

Удалось совершить короткое морское путешествие – от берегов Франции к берегам Италии. Три дня были в море и ночевали на борту. Для меня это самое лучшее, что может быть, – морское путешествие. Кишащее лодками разных размеров Средиземноморье. Не могу без моря. Без моря, которое подо мной.

Два года назад обошли на небольшом кораблике Корсику. Корсика – это что-то совсем особенное, это не скучная Сардиния и не весёлые греческие острова. Корсика – что-то непостижимое. Высадились мы на лодке в маленьком порту Кальви, внешне похожем на многие портовые городки. Мы собирались подняться на машине в горы и вечером поужинать в рекомендованном нам маленьком семейном ресторане. Взяли такси. Таксист, загорелый, крупный мужик, без тени улыбки спросил, не французы ли мы. А когда узнал, что не французы, не обрадовался, не удивился и даже не улыбнулся, просто одобрительно кивнул. За всю дорогу он не проронил ни слова, но зато как только мы сели в машину, он тут же включил корсиканские песни. Справедливости ради надо сказать, что корсиканское мужское многоголосье очень похоже на грузинское, его даже легко спутать с грузинским. Мы ехали довольно долго, прослушали много песен, и во всех песнях чаще всего звучало слово «либерта». Когда мы вышли из машины, предварительно рассчитавшись, водитель с нами не попрощался, а усилил громкость, должно быть, до предела и укатил с гордым и непроницаемым лицом, слушая песни свободы.

Ресторанчик, куда мы приехали, был очень маленький, с прекрасным видом на море и скалы. Мы долго ждали меню, которое нам так и не принесли. В конце концов к нам подошёл здоровенный, не улыбочивый парень. Он вполне неприветливо сказал нам что-то по-французски, и его лицо слегка смягчилось только тогда, когда мы сказали, что по-французски не понимаем. На просьбу принести меню он как-то по-особенному фыркнул и на очень плохом английском сказал, что никакого меню у них нет, и он сам скажет, что можно поесть. После чего он произнес с десятков корсиканских названий корсиканских же блюд. Он перечислял эти названия с кислой физиономией и только на одном как-то всплеснул руками и сверкнул глазами. Я спросил, что из того, что он перечислил, мясо. Он опять скучно сказал, что у них есть баранина, говядина и есть... тут он произнес опять то же корсиканское название, при котором опять всплеснул руками и сверкнул глазами. Я, конечно, заинтересовался, но всё же спросил у него, что это за животное. Он сказал, совершенно изменившись в лице, что это свободное, очень сильное животное. И дальше продолжил по-корсикански, изображая жестами, насколько это животное свободное, сильное и опасное. Я, естественно, заказал именно это блюдо. И только тогда официант взглянул на меня с лёгкой тенью одобрения.

Мне повезло меньше всех: все ели вкусную рыбу, хорошую баранину, а мне принесли здоровый кусок очень тёмного мяса, весьма жёсткого, залитого густым винным соусом. В

мясе было много осколков костей, и в итоге я чуть не сломал зуб о крупную свинцовую картечину. К слову, в моей порции оказалось даже две картечины (*улыбка*). Думаю, это был дикий кабан.

Корсика прекрасна! Я никогда не видел якорной стоянки красивее, чем порто Бонифаччо. И как же там давно всё запутано! Как же корсиканцы ненавидят французов! С каким недоверием многие пожилые люди посматривают на приезжих. И какую теплоту и радушие порой можно там встретить! Много завязано в человеческой истории узлов. Кровавые узлы завязываются и прямо сейчас, у нас на глазах. И как же долго и трудно мы будем их развязывать!

27 августа

В воскресенье в Каннах был грандиозный салют в честь годовщины освобождения Канн от немецких войск. (Канн освободили не наши войска. Если быть точным, тут немецких войск было совсем немного, они вообще-то сами ушли (*улыбка*), но дата и праздник остались.) Традиционно в этот день во Дворце фестивалей происходит русский приём и фейерверк. В этом году фейерверк устраивали калининградцы. О, как же это было здорово!

Заполненная людьми Круазетт, даже не заполненная, забитая. Все рестораны на всех пляжах были забронированы за несколько дней. Чудесная погода. И стоящий на рейде Канн пришедший из Калининграда парусник «Крузенштерн», весь в огнях. «Крузенштерн» – прекрасный корабль. Он немецкой, довоенной постройки, когда-то назывался «Падуя», а потом был взят как трофей. Теперь он ходит по всему миру с курсантами мореходных училищ. И куда бы ни заходил, вызывает восторг и радость. Вокруг него, как стайки диковинных рыб, снуют яхты и лодки. Все хотят рассмотреть этот удивительный корабль поближе...

Салют в воскресенье вечером не просто удался. Во-первых, он начался вовремя. Канадцы на прошлой неделе затянули с началом на два часа, и дети, которых привели посмотреть фейерверк, уснули. Во-вторых, очень повезло с погодой. Ветра не было практически совсем. Но самое главное: композиция салюта, подобранная музыка и мощь фейерверка повергли людей в полнейший восторг. За несколько лет я посмотрел в Каннах восемь салютов. Этот был безусловно лучшим. Калининградский мастер фейерверков с корейской внешностью и фамилией Хан превзошёл сам себя: салют длился 44 минуты, был невероятно разнообразным и многослойным. Под «Калинку-малинку» весь Круазетт танцевал и свистел. А завершение салюта было настолько ошеломительным и мощным, что пауза перед аплодисментами повисла секунд на тридцать. А потом была овация! Мы смотрели салют с пляжа. И все без исключения французы, услышав русскую речь, подходили и говорили нам спасибо. Это было счастье. Хотелось сказать Хану словами главного героя фильма «Андрей Рублёв»: «Посмотри, какую радость людям сделал!»

А «Крузенштерн» вчера принимал гостей, и французы выстаивали длинную очередь, чтобы на него попасть. Приятно!

Ну а в Чёрном море совсем другие корабли... И всё это надолго, и всё это грустно. И по-прежнему на всех, особенно на самых низких уровнях, копится и копится злоба.

17 июля, перед самым вылетом из Тбилиси домой, мы сидели с друзьями за большим столом, и грузинские мои друзья провожали нас, мы строили планы, говорили тосты. В сентябре в Тбилиси должен был состояться маленький фестиваль, куда мы хотели приехать с группой «Бигуди»... Мы много тогда шутили...

А сидели мы в ресторане на улице имени Джорджа Буша-младшего. Я нисколько не шучу. Та улица, что ведёт из тбилисского аэропорта в город, называется именем этого великого политического деятеля и мыслителя современности. А напротив ресторана, на горе, возвышается недостроенный президентский дворец. У того, кто хоть раз увидит это здание, не останется никаких сомнений по поводу человека, который собирается здесь работать: строение напоминает карикатуру на американский капитолий и немецкий рейхстаг вместе взятые. Точнее, это подобие капитолия, но со стеклянным куполом, как у рейхстага. Вот только у рейхстага купол красивый, а у этого напоминает здоровенное пасхальное яйцо. Если

вы думаете, что тбилисцам нравится этот шедевр архитектуры, вы ошибаетесь. Мы сидели тогда за столом, любовались в окно на это сооружение, уродующее вид и ансамбль одного из самых красивых городов, какие мне приходилось видеть, и кто-то из грузинских друзей грустно пошутил: «Когда-нибудь на этом куполе снова поднимут флаг Егоров и Кантария». Мы тогда посмеялись.

Я совсем не хочу, чтобы кто-нибудь когда-нибудь брал этот президентский дворец и водружал что-нибудь на его куполе.

Как же сильно я люблю Тбилиси! Трудно будет найти спокойную и взвешенную интонацию, но это обязательно произойдёт. В высказываниях европейских и американских политиков много истерики, причём неискренней: далась им эта Грузия. Люди здесь не знают, где она находится. И уж точно не видели ни одного грузинского фильма и не читали ни одной грузинской книги... А к чему приведёт непримиримая позиция моей страны? Ох, не знаю... Но с уверенностью могу сказать: что бы ни происходило, что бы ни сказал в сердцах любимый мною батона Буба, что бы ни думали о происходящем мои друзья и коллеги в Тбилиси, я буду их любить. И если кто-то завязывает кровавые узлы, развязывать их нам. Спокойно, не торопясь и очень осторожно. Займусь этим... Да в общем-то уже занимаюсь – хотя и отдаю себе отчёт в том, что голоса таких, как я, сейчас мало кто услышит. Но кто-то захочет услышать...

30 августа

Отъезжая с Лазурного Берега, видел в Ницце и окрестностях Монте-Карло много людей и машин с синими флагами «Зенита». А ещё в море фигурировала футуристическая яхта, которую построил великий и ужасный Филипп Старк для... одного нашего богатого парня. Эта яхта чем-то напоминает фантастическую подводную лодку, и когда её видишь в море, создаётся ощущение, что ты попал в фильм «Небесный капитан»: корабль буквально выплыл из комикса. Равнодушных нет. Кто-то в восторге, кто-то в недоумении. И по поводу победы «Зенита» равнодушных нет. И хоть я не болельщик, всё-таки ура! Так и надо.

Покидал Францию, ощущая, что оставляю её на многочисленных соотечественников, присутствие которых там заметно как на суше, так и на море (*улыбка*).

Прилетел в Калининград, залитый холодным косым дождём. Нашему возвращению больше всех радовался Макс, для него это был бурный и короткий праздник. Потом он устал от радости и уснул. А я уже в Москве. Сейчас поеду в Архангельское готовиться к концерту. Сезон начинается, лето заканчивается.

На днях выпивали в обществе Тины Тернер. Невозможно представить, что ей шестьдесят девять. Сидели, веселились, а когда выяснилось, что в доме, где это происходило, есть DVD концерта, посвященного её шестидесятилетию, с удовольствием посмотрели почти весь концерт. Причём самое большое удовольствие получила от этого она сама. Вот как надо относиться к собственному творчеству и творчеству вообще (*улыбка*).

Про Грузию с ней не говорили, кажется, она не в теме. Зато про кандидата МакКейна она, поморщившись, сказала, что он старый, но поморщилась так выразительно, что в этом было больше, чем она произнесла. А про Обаму сказала забавно, мол, симпатичный парень, но она не уверена, что Америка готова к чёрному президенту. Очень она здоровская... тётка что ли. Замечательная, весёлая, очень мощная и молодая. Когда уходила, она почему-то решила потрогать воду в бассейне и сообщила, что у неё в бассейне вода теплее. А я сказал, что после того как она потрогала воду в бассейне, эту воду можно пить. Она очень смеялась. Ей понравилось.

1 сентября

Вернулся утром из холодной, пронизанной осенним ветром Москвы. А Калининград сегодня порадовал школьников и их родителей солнышком и возможностью нарядно одеться. Я, правда, этот день никогда не любил, ни в школе, ни в университете, но Первое сентября, и я уже писал об этом, – день рождения моей любимой бабушки, которая, кстати, всю жизнь проработала учительницей биологии в школе.

Здорово удалось выступить на фестивале в Архангельском. Но как же я замёрз! Что называется, до костей. В редкую зиму так замерзал. Фестивалю ужасно не повезло с погодой, зато повезло с публикой и музыкантами. Когда ехали в Архангельское, мы буквально продирались сквозь свадебные кортежи и чуть ли не расталкивали бесчисленных невест, женихов и уже сильно пьяных друзей... По кислым лицам невест, для которых свадьба гораздо большее событие, чем для женихов, было видно, как они переживают из-за погоды.

На концерте смог осуществить свою мечту Пётр Ловыгин: он хотел выступить с нами на сцене и бить в бубен (на самом деле тамбурин). «Бигуди» были не против дополнительного музыканта на один день. К тому же они знали, что бубен всё равно слышно не будет. Я думал, Петя продержится одну-две песни, устанет, насладится славой и уйдёт. Ан нет! Он самозабвенно «пробубнил» весь концерт и на совесть оттанцевал. К тому же, следует признать, он здорово нас выручил, потому что первую половину концерта певица Алёна и пианист Артём отсутствовали, не могли пробиться сквозь свадьбы. Короче, Петя получил свои аплодисменты и кланялся вполне заслуженно. Те, кто это видел, вряд ли поверил бы, что человек выступал на сцене впервые в жизни.

Пользуясь возможностью, Пётр Ловыгин доснял вчера то, что ему было нужно для видеоклипа на песню «Зелёные глаза», которую, как я уже говорил, «Бигуди» подготовили в индийском варианте. Когда будете смотреть, представьте, что в это время периодически капал мелкий холодный дождик, температура была чуть выше десяти градусов, и у индийских девушек и парней изо рта шёл лёгкий пар. Петя заверил, что видео будет очень летнее (*улыбка*). Не знаю, каков сюжет клипа, я впервые видел ребят из массовой и девушек танцовщиц, в том числе девушку Любу, у которой, собственно, зелёные глаза и которая, по замыслу Ловыгина, в клипе моя невеста. А она, в свою очередь, впервые оделась в индийский наряд. Во время съёмок мы немножко разогрелись и на какое-то время были почти индусами (*улыбка*).

Очень радовались нашему виду дети, которых таскали за собой гуляющие на свадьбах пьяненькие родители. Ну и вообще, все пьяные мужики, глядя на нас, радовались. А вот невесты были не очень рады: мы отвлекали внимание окружающих от их столь тщательно продуманных и изощрённо выполненных платьев и причёсок.

3 сентября

Два последних дня наполнены детской темой. Две вещи поразили моё воображение... Я отлично помню, как сильно меня в детстве интересовал процесс бритья. У деда был бритвенный набор из железного стаканчика, старого бритвенного станка, мыльницы с обмылком и старого-престарого помазка (так он называл кисточку, в которой осталась едва ли треть щетины). Дед очень тщательно скоблил щёки станком, а потом долго стучал им по железному стаканчику, стряхивая пену. У отца уже были тюбики с болгарским кремом для бритья, хороший импортный станок и помазок. Я однажды перепутал зубную пасту с кремом для бритья, и меня стошнило. Процесс бритья всегда меня привлекал, и впервые я побрился тайком лет в десять, но был выведен на чистую воду и напуган мамой, что, дескать, если продолжу, у меня сразу вырастет борода.

Моему сыну четыре года, и он проявил интерес ко всему бритвенному уже полгода назад. И вдруг... в магазине игрушек была обнаружена игрушечная пена для бритья, которая выглядит как настоящая, и бритва к ней, тоже весьма похожая на настоящую. Пена пахнет детским шампунем и даже приятна на вкус. Бритва полностью пластмассовая. Теперь Саша, перед тем как идти в детский сад, каждое утро аккуратно бреется, после чего идёт одеваться и собираться более сосредоточенно и без утренних капризов. Его бритвенные принадлежности лежат рядом с моими, и при этом я бреюсь куда реже (*улыбка*).

Какой умный, тонкий и хороший человек это придумал! Человек, который запомнил свою детскую тягу к бритью, подарил такую радость маленьким мужчинам. Не знаю, кто он, но спасибо ему.

И второе. Дочь притащила домой удивительное изобретение. «Чупа-чупс» выпустили не только круглый леденец на палочке, но и вообще потрясающую вещь. Может быть, кто-то это и видел давно, но я – только вчера. Это сладкая вата, которую кладёшь в рот, и она даёт полное ощущение сладкой ваты и тает во рту, но не полностью. То, что остаётся, превращается в жевательную резинку, из которой дуются шикарные пузыри. Два главных гастрономических наслаждения детства соединили в одном. Это сделал гений. Как это придумано технически, ума не приложу, но от удивления и азарта сжевал целую пачку.

30 августа прилетел в Москву. Я снимаю крошечную квартирку в Пречистенском переулке. Бываю в этой квартире редко, но люблю это место. У меня удивительный вид из окна на московские крыши и храм Христа Спасителя. Несмотря на то, что это самый центр, здесь уже часов в десять вечера наступает тишина. Рядом с домом, где снимаю квартиру, возле дома-музея скульптора Мухиной, есть маленький детский садик. Вокруг в основном посольства, особняки – и вот детский садик, двухэтажный, с большим двором, смешными песочницами, домиками, деревьями. Я люблю этот детский садик. И осенью, и зимой, и весной, просыпаясь в Москве (а я в силу профессии просыпаюсь обычно часов около одиннадцати), я всегда определял, какая погода, по шуму за окном. Шторы у меня плотные, и что за окном, когда просыпаешься, не видно. Но слышно! Если дети галдят – значит погода хорошая, их вывели гулять. Если тихо – плохая, не вывели. Как приятно слышать утром эти визги, эту суету, этот детский гвалт...

В июне я видел, что детский сад поставили на ремонт. Вынули окна, во дворе появилась техника... Сейчас вот приехал – а детского сада нет, вместо него большой и очень глубокий котлован для многоэтажного здания с подземной парковкой. Быстро и оперативно! Мало

того что утрачивается облик старого московского переулочка, но главное – этого кусочка жизни уже не будет. Нетрудно представить себе, сколь многие москвичи сами когда-то ходили в этот детский сад, а потом водили туда своих детей. Я не москвич, но не могу понять московского чиновника, который так поступает со своим городом!..

Понимаю, когда будет выстроен этот дом, в нём будут жить люди, которые купят себе квартиры за безумные деньги (в этом районе цены запредельные), у них родятся дети. Через какое-то время никто и не вспомнит про детский садик. Ничего трагического... Но что-то нежное и настоящее выдернуто из старой Москвы, как один из последних молочных зубов. Как жаль терять безвозвратно...

В последние недели лета мы многое потеряли безвозвратно. Мы, разумеется, с этим разберёмся, справимся. Выстроим новые отношения. Но те, кто помнит прежние безмятежные времена, будут вздыхать и вспоминать о прошлом. Нет теперь гостиницы «Россия», в которой снимался фильм «Мимино», нет маленького детского садика, что-то будет другое на тех местах. Но другой дружбы и другой любви я не хочу.

Как хорошо говорится в старой песне Андрея Макаревича: «Бог нам дал старых друзей, и новых старых не будет». Ну вы понимаете, о чём я...

4 сентября

Сегодня меня попросили прокомментировать высказывание знаменитого американского политолога и дипломата Джорджа Кеннана. Джордж Кеннан умер в 2005 году. При жизни он считался, а может, и был крупнейшим специалистом по СССР и России. Он высказался следующим образом: «Среди соседей России – только враги и вассалы». Это высказывание в последние дни, по словам журналиста, который ко мне обратился, активно цитируется всеми европейскими СМИ. Он даже сказал, что его не процитировал только ленивый. Меня попросили его прокомментировать для серьёзной немецкой газеты «Зюддойче цайтунг». Вот как я это прокомментировал. В тексте я кое-где повторяю то, что уже говорил. Мой комментарий будет опубликован в Германии, и читать его будут немцы, но мне хочется, чтобы его могли прочесть и соотечественники – для меня двойных стандартов нет (*улыбка*). Представляю, какая начнётся истерика. Ну и бог и ней! Я не боюсь (*улыбка*).

«Прочел высказывание Джорджа Кеннана о том, что соседи России либо вассалы, либо враги, и долго прокручивал в голове эту сентенцию. Что же меня в ней возмущает и почему так сильно хочется возразить? Вроде бы всё правильно, как ни обидно, но правильно. Посмотришь на географическую карту – действительно, так оно и есть. Правда, мы ещё граничим с Китаем, который ни врагом, ни вассалом не является. Правда, мы ещё совсем недалеко от Индии. Но остальное соседство... Почему же меня возмущает и почему я так не согласен с высказыванием господина Кеннана? А потому что кто бы говорил! Кеннан у нас кто? Американец!

Американцам легко говорить про соседей, у них их почти нет. Но если все соседи для России либо враги, либо вассалы, то для Америки в мире одни сплошные соседи. И если какая-то страна и её жители не считают себя по отношению к Америке ни врагами, ни вассалами, Америка считает любую страну либо одним, либо другим. Америка не вдаётся ни в национальные, ни в религиозные, ни в культурные особенности. Америка и американцы отчётливо не желают ничего знать ни о ком, кроме себя. И даже не представляют себе, что может быть совершенно другое мнение и сознание. О чём сказал господин Кеннан? О том, что сам он видит в зеркале, полагая, что там не его собственное отражение.

Но скажу о нашем соседстве, только не с позиции государства, а со своей собственной, частной. Я родился и вырос в России, точнее, Советском Союзе. А теперь живу в той России, про которую говорит господин Кеннан. Я родился в Советском Союзе, и все теперь соседние страны входят в моё географическое понимание Родины. А значит это всё – территория любви. И для большинства людей, живущих в России, это так. Русские люди, в отличие от господина Кеннана, знают географию, знают национальные культуры, имеют в соседних странах друзей, родственников, коллег. В отличие от господина Кеннана, искренне переживают любые конфликтные ситуации, случающиеся между Россией и соседями. А таких ситуаций много, и всё очень сложно.

Если уточнять фразу господина Кеннана, у России есть только враги – поскольку любой вассал всегда потенциальный враг. Вассалы не могут любить хозяина. В этом смысле Америка находится в куда худшем положении. Кто любит Америку? Назовите мне таких!

За две недели до начала южноосетинского конфликта я был в Тбилиси, где остановился в гостинице „Шератон“, одной из самых лучших и дорогих. Гостиница была незаполнена. В ней жили немного туристов и очень, очень много американских военных специа-

листов. Судя по нашивкам, это были авиаторы и ракетчики. Американские военные явно наслаждались пребыванием в хорошей гостинице. Похоже, они не привыкли к таким условиям. Но при этом ходили в полевой форме, не удосуживаясь надеть парадную. Ходили помятые, расстёгнутые, вальжжные. Им был безразличен прекрасный, старинный город Тбилиси. Им было всё равно, что люди в гостиничный ресторан приходили одетыми соответственно вечеру и уровню ресторана. Они громко разговаривали, хохотали и даже не предполагали, что кто-то может понимать, о чём они говорят. Они относились ко всем, кто их окружал, как к пустому месту. Им была совершенно безразлична Грузия. Так же они ведут себя на любой военной базе США. Вы думаете, грузины с симпатией относились к этим военным? Нет! Зато нам, моим друзьям и мне, грузины были очень рады. Я приезжал обсудить наши совместные театральные планы, а также перспективу открытия в Тбилиси магазина русской книги. Мы ездили в восстанавливаемый грузинский Дом литератора, где был и будет литературный музей. В этом здании когда-то читали свои произведения Грибоедов, Пушкин. Мы договорились тогда, что я приеду и прочту там новые рассказы, подарю музею свои рукописи.

Мы тогда много говорили, вспоминали и цитировали любимые грузинские и русские фильмы, которые в наших странах знают наизусть. Я много езжу со спектаклями по Украине, Прибалтике, Казахстану, Белоруссии, Грузии, Армении. Я езжу не к врагам и не к вассалам.

Легко так сказать про Россию! Легко вообще говорить так про других. А как легко прочерчивать границы! Однажды на пресс-конференции в Швейцарии журналист задал мне вопрос, считаю ли я себя европейцем. На что я ответил: „На этот вопрос бессмысленно отвечать, поскольку тот, кто задаёт мне такой вопрос, меня европейцем не считает“. Хорошо понимаю: то, что я сейчас пишу, будут читать в Германии. Хочется задать некий вопрос, наверное, риторический: а что, в Европе такие прекрасные добрососедские отношения у всех со всеми? Что, французы любят немцев, а немцы французов? Что, все души не чают в англичанах? Что, бельгийцы обожают голландцев? Жизнь даже в одном доме, если в нём несколько квартир, всегда сложна. Не бывает совершенно безоблачных и безмятежных отношений между соседями. Лучше всего и удобнее жить вообще без соседей. Во многом так и стремится жить Америка.

Я много времени провёл за телефоном в самые горячие дни грузино-южноосетинского конфликта. Мы с грузинскими друзьями много говорили, и даже если не приходили к согласию в понимании ситуации, всё равно заверяли друг друга в любви и дружбе. Точно так же я пытался разговаривать с моими украинскими друзьями, которые были страшно взбудоражены тем, что происходит на Кавказе. Мы много говорили и продолжаем говорить. Такого между врагами и вассалами не бывает.

Я не отрываясь смотрел выпуски новостей, то наши каналы, то Си-эн-эн, то Би-би-си. Кадры были похожи, комментарии диаметрально противоположны. Правды, которая всегда посередине, не коснулся никто. А посередине мы – те, кто живет сейчас в этом мире. Мы всегда посередине.

Знаете, что меня порадовало в том, как подавалась информация российскими телеканалами, и это очень отличалось от того, как показывали чеченскую кампанию или репортажи о терактах. В репортажах о Южной Осетии мало или почти совсем не показывали грузинских солдат: ни убитых, ни пленных, ни воюющих. При том, что по европейским и американским каналам русских солдат показывали много. А в России, очевидно, было принято решение – не создавать образа врага из некоего грузина. Это очень хороший признак. Я никогда не был поклонником Путина и никогда не был поклонником его политического стиля, но для меня

очень важно то, что он сказал в своём интервью: военные действия российской и грузинской армий он воспринимает как гражданскую войну. Про врагов и вассалов так не говорят.

Американцам, которые название Грузия путают с названием своего штата Джорджия, даже невдомёк, как сильно в России переживают этот конфликт и как сильно его переживают грузины. В июле мы сидели с одним известным грузинским писателем, не буду его называть. Он старый и мудрый. Он говорил тогда про Саакашвили, словно пытаясь извиниться за своего президента: „Понимаешь, Женя, Саакашвили очень невоспитанный человек. Но тебе нужно понять грузин. Мы маленькие и гордые, и нам хочется, чтобы про нас говорили, чтобы про нас знали. Саакашвили сделал так, что про нас говорят. Пусть плохо, но каждый день“. Это высказывание многое объясняет – тем, кто знает Грузию, кто её любит, то есть нам, живущим в России. А тем, кто не знает и не понимает особенностей этой удивительной страны, это безразлично. Я никогда не поверю в искренность заботы американцев о Грузии. Не поверю в искренность лозунгов и призывов к защите демократии, не поверю в то, что американцы не видят и не понимают сущности Михаила Саакашвили и считают его и Грузию другом. Для них Грузия не враг и не вассал, а фишка в игре. Фишка, в которой не ощущаются живые люди, история, давние человеческие отношения.

Господин Кеннан сказал то, с чем трудно спорить, особенно если смотреть Си-эн-эн. Могу повторить его слова, адресуя их Америке. Только меня не процитируют – вот и вся разница.

Евгений Гришковец, русский писатель».

Какой придумают заголовок, не знаю. Старался быть взвешенным и честным.

6 сентября

В очередной раз выдержал волну отчаянной злобы и скоропалительных высказываний. Удалил много сообщений, по большей части оголтелые, псевдопатриотические, лютые высказывания тех, кто счел мой текст слишком мягким и либеральным. Много забавных и вялых голосов прозвучало в защиту Америки. Голоса эти в основном принадлежат соотечественникам, которые проживают теперь в одном из соединённых штатов (*улыбка*). В этих голосах чаще всего слышится самотерапия. И так много гневных высказываний на хорошем русском языке прислали оппоненты из Украины!

Как ни странно, люди из Украины пишут в основном что-то весьма нравоучительное. Чаще всего в их словах звучит утверждение, что они познали подлинную свободу, в этой свободе живут и теперь обращаются ко мне (ну или ко всем тем, кто живёт в России) как к людям, этой свободы не знающим, не ведающим, что это такое, погрязшим в тоталитарном сознании. Они смотрят на нас всегда откуда-то сверху и со стороны как на неких запутавшихся и весьма примитивных существ (подчёркиваю, в данный момент я реагирую только на то, что мне пишут). И эти высказывания настолько злобны и агрессивны... Свободный человек так писать не может. Внутренне свободный человек никогда не исполнится таким гневом к другому, так что эти высказывания говорят об одном: уж очень мы похожи, все из одного корня. И верно было тут кем-то замечено, мол, не странно ли, что люди из Украины так активно читают и так бурно реагируют на всё то, что происходит в русском интернете, так сильно на всё злятся. Такое поведение никакого отношения к внутренней свободе не имеет (*улыбка*).

И в этом своём высказывании я очень далёк от политики. Я пользуюсь только тем и анализирую только то, что происходит на страницах моего ЖЖ, то есть практически у меня дома.

Два года назад был во Львове, играл спектакль. Очень люблю Львов, люблю атмосферу этого города и его языковую среду. Как красиво звучит на улице украинская речь, по-настоящему живая и глубокая! У меня во Львове много друзей, и они повели меня в, как они сказали, совсем особенный ресторан... Ресторан представлял собой подвальчик, а перед входом стоял здоровый дядька с неизвестной мне конструкции автоматом. Дядька был ряженный, в какой-то полувоенной форме. Он налил нам всем по рюмке горилки и сказал: «Слава героям!» Мои друзья ответили: «Героям слава!» Мне объяснили, что это приветствие Украинского освободительного движения времён конца войны. Мы спустились в подвал, стилизованный под землянку. Там были портреты видных деятелей украинского освободительного движения, фотографии самих бойцов где-то в лесу. Там было весело, но мне сказали, что по-русски здесь говорить нельзя, хотя обстановка была вполне доброжелательная и приятная. Кто-то из посетителей даже побывал у меня на спектакле и подошёл за автографом. Мы немножко выпили, и через некоторое время, кажется, арт-директор заведения принёс наган, заряженный холостыми патронами. Я не очень хорошо понимаю украинский, особенно, когда на нём говорят бегло. Но друзья объяснили, что мне предложили убить москаля. Мне дали в руки оружие, и я вдруг почувствовал, что мне не до шуток. По спине побежали мурашки. Я приставил наган к виску, выстрелил, вернул наган и покинул столь остроумное заведение. Друзья последовали за мной. Мы прекрасно продолжаем дружить, но не понравилась мне шутка с пистолетом, не смешная она, по-моему, страшная.

9 сентября

Вчера вернулся из жаркого и солнечного Киева в прохладный, залитый дождём Калининград. Здорово было. Впервые прокатился по Днепру на яхте. Город с воды совершенно другой. И какой город! Всем городам город! Мой друг открыл в Киеве ресторан «Москва», хороший получился ресторан. Он сделан не с ожидаемым русским или московским антуражем, и даже не с русской едой. Это отличный скорее итальянский ресторан, просто очень напоминающий лучшие из московских ресторанов. Несмотря на название, в ресторане много людей. Популярное получилось место. Забавно слышать, как кто-нибудь из посетителей, отвечая по телефону, говорит: «А я в Москве, подъезжай!» Так же, должно быть, отвечают на эсэмэски красивые барышни, которых в «Москве» всегда много.

А ещё там есть караоке. Честно говоря я, не понимаю этого способа развлечения (видимо потому, что совсем не умею петь), но там мне было занятно. В Киеве петь умеют и любят, голосистые такие (*улыбка*)! А репертуар у них в основном – песни из наших старых фильмов.

Вернулся домой, прочёл комментарии к предыдущему тексту, обошлось почти без истерик. Удалил всего несколько совсем злобных или по сути хамских. Позабавили высказывания такого рода, мол, Евгений, мы любим ваши книжки и спектакли, вы уж пишите и играйте, и не надо высказываться о политике. На сцене вы такой умный, в книгах такой симпатичный, а тут вдруг стали глупым и неприятным. Мол, знайте своё место на книжной полке, а СЮДА пишите только то, что нам нравится.

Что тут скажешь! То есть, если перефразировать, мол, Евгений, не читайте вы газет и не смотрите телевизор, не знайте вы о том, что происходит, а если что-то произошло, не переживайте по этому поводу, а если всё-таки переживаете, не говорите об этом, а то вдруг мы будем с вами не согласны! Забавно и в известной степени высокомерно. Поверьте, я часто сталкиваюсь с высокомерным отношением к себе не как к человеку, а как к представителю профессии. Это чаще всего выражается фразой: «Ну-у-у-у, вы человек творческий...» (*Улыбка.*)

Меня много спрашивают, кого я решил пригласить в спектакль «По По» вместо Александра Цекало. С Александром мы, видимо, весьма редко, в силу его тотальной занятости, всё-таки будем играть спектакль, и отношения наши остались прежними. Телевизионные проекты и продюсерская деятельность сильно усложняют составление графика, а театр – дело плановое. Стыдно и неудобно отменять назначенные спектакли, да и накладно, чёрт возьми (*улыбка*). Я сделал предложение прекрасному актёру МХТ и моему старинному другу Игорю Золотовицкому, с которым подружился давно и имел счастье работать, когда ставил спектакль «Осада». Он очень пластичный в смысле языка, у него парадоксальный юмор, и он очень тонкий партнёр. Чистота эксперимента сохраняется, так как Игорь не видел спектакля «По По», и мы с ним будем делать его практически с нуля, да и выглядеть это будет совсем иначе. К репетициям мы намерены приступить в начале будущего года и постараемся не затянуть с показом.

Начиная с этой осени в спектакле «Планета» в дубле с Анной Дубровской периодически будет играть очень интересная и острая актриса Виктория Исакова. Впервые публика её увидит в ноябре, на гастролях в Париже. Это решение принято нами совместно. Виктории роль интересна, а у Анны довольно сложный период, связанный с работой в театре и со

съёмками. Это не значит, что у Виктории всего меньше, просто две занятости, сложенные вместе, дают относительную свободу планирования (*улыбка*).

С большим удивлением узнал, что вышел фильм под названием «Плюс один»: с таким рабочим названием уже год существует мой будущий спектакль, над которым я мысленно работаю. Мне это название очень важно, и оно теснейшим образом связано с содержанием того, над чем я работаю. Не знаю ничего про вышедший фильм, хорош он или плох, не имею представления, о чем он. Уверен в одном: он точно не совпадает с моим замыслом, поэтому информирую всех об этом сейчас. Я намерен сохранить своё название и не хочу, чтобы кто-то думал о плагиате. К авторам фильма у меня претензий нет, так как о рабочем названии знали всего несколько человек (*улыбка*), и они с фильмом никак не связаны.

12 сентября

Комментарий для немецкой газеты «Зюддойче цайтунг» будет опубликован завтра, в субботнем номере. Надо отдать должное немцам: они обратились за переводом моего текста к переводчице, которая переводила мой роман «Рубашка», то есть он будет качественным и выйдет с незначительными стилистическими сокращениями, с которыми я ознакомился и которые одобрил.

Работать с немецкими издателями и театрами одно удовольствие. Вот только когда я играю спектакли в Германии, а играю всегда с переводом, мне приходится обращаться к публике со следующими словами: «Большая просьба к тем зрителям, которые понимают русский язык, дожидаться окончания перевода и смеяться вместе с теми, кто русский не понимает. Иначе исконные немцы не услышат перевод. А мы не должны забывать, что мы всё-таки в Германии (*улыбка*)». Правда, наши бывшие граждане и это обращение воспринимают как весёлую шутку. В общем, немцам непросто, как в Европе в целом, так и на моих спектаклях в частности (*улыбка*).

Съездил на день в Москву, чтобы принять участие в программе «Большая разница», о которой узнал, только когда получил на неё приглашение. Кто не знает, это программа телевизионных пародий на телевизионные же программы, которую ведут Иван Ургант и Александр Цекало. Они сделали пародию на программу «Школа злословия», в которую в качестве гостя пригласили меня. Получилось смешно, а что ещё нужно пародии и телевидению в целом?

Ждал я в гримёрной своего выхода вместе с Анфисой Чеховой. Пародия на неё шла после моей, поэтому я её не видел. Не понимаю, как можно сделать пародию на Анфису Чехову, она сама такая забавная, небольшого росточка и кажется мультипликационным персонажем. Просто девушка мечты любого моряка с Папайи! Не видел её передач, но мне кажется, что самым выпуклым в Анфисе Чеховой является её доброта (*улыбка*). Надеюсь, ничего обидного в пародии на неё не сделали.

Когда ехал в аэропорт, чтобы лететь в Москву, а потом ехал из аэропорта в Москве, несколько раз по радио слышал одну и ту же песню. Таксисты слушали непривычную мне радиостанцию. И вот уже третий день, чёрт возьми, меня изводит одна и та же мелодия, я всё время напеваю: «Я бегу за тобою... что-то там... мечтаю... что-то там... в ночи... не молчи». Куплета не помню совсем и уже устал и от мелодии и от вырванных из песни слов, тем более что не все слова разобрал и запомнил. Дочь услышала, как я бормочу себе под нос, чем-то сосредоточенно занимаясь, и сказала: «Папа, ты что это напеваешь?! У нас такое даже в пятом классе не слушают!» В общем, ужас! Надеюсь, поделившись сейчас этим, я избавлюсь от прилипшей мелодии, волевым способом от таких вещей не избавишься. Сейчас практически нет способов защититься, не углядишь, как обязательно что-нибудь залезет тебе в ухо или в глаза. (*Улыбка.*)

Мучительно продолжаю писать новую редакцию текста «ОдноврЕмЕнно». Сложно переводить живую ткань текста, исполняемого на сцене, в совершенно иную ткань, которую можно прочесть глазами, но планирую закончить работу до конца сентября: очень хочу, чтобы книга увидела свет как можно скорее.

16 сентября

В субботу вышел тот материал в «Зюддойче цайтунг», и меня волновало, будут ли отклики и какие, но в нашем трагическом мире всё так быстро меняется, какие там отклики...

Вчера, собираясь лететь из Калининграда в Москву, практически и метафизически почувствовал на себе прикосновение трагедии в Перми, кожей почувствовал. Рейсы из Калининграда в Москву и из Москвы в Калининград выполняют самолёты компании «Аэрофлот-Норд», а с нуля часов вчерашних суток «Аэрофлот» и «Аэрофлот-Норд» перестали быть одной компанией, и все утренние рейсы были отменены. Толпы растерянных людей, представители «Аэрофлота», не располагающие никакой информацией, кадры новостей с места катастрофы... Я, конечно, сильно беспокоился из-за того, что не смогу вовремя долететь до Москвы и будет сорван спектакль. Я находился в аэропорту долго и в полной мере ощутил всеобщую растерянность, сильное желание людей улететь и в то же время страх. Многие вообще боятся летать, а после таких событий, к тому же лететь самолётом той самой компании... Страх, сомнения и потребность людей улететь смешивались в какое-то общее тяжёлое атмосферное явление. А потом, безо всякого расписания, с задержкой более чем на пять часов, прилетел самолёт. У представителей «Аэрофлота» не было уверенности, что его будут заправлять в калининградском аэропорту, потому что договор у «Аэрофлота» о заправке есть, а у «Аэрофлот-Норда» нет, но самолёт заправили. И тех людей, которые сомневались и боялись, тут же охватил азарт и желание непременно на него попасть. И на регистрацию люди с билетами на разные рейсы прорывались как в маршрутное такси в час пик. Я улетел этим рейсом. С какой тревогой люди заходили в самолёт, точно такой же, так же раскрашенный, как тот, который все последние дни показывают по телевизору...

Спектакль состоялся вовремя и прошёл хорошо, открыл сезон. Сегодня вечером сезон продолжится, так будет завтра и далее.

Где бы я ни находился, везде, где есть люди, а особенно говорливые мужики, много разговоров про авиакатастрофу. Как же обидно слышать от этих потягивающих пиво якобы всезнающих пузатых и говорливых мужиков: «Да бухие они были, вот и всё!.. Да эти лётчики, бухают они... Знаем мы их...»

Что они знают, эти говоруны?! По ним видно, что они никогда в жизни не брали на себя ответственность, разве что материальную. Мне приходится много летать и часто попадать в ситуации, когда рейс задерживается из-за плохих метеоусловий, а то и отменяется по техническим или каким-то иным причинам. В таких ситуациях у людей накапливаются раздражение и злоба, и они всё это изливают на экипаж, чаще всего на стюардесс, которые никакого отношения к задержкам и неполадкам не имеют. Я отношусь с почтением к пилотам и стюардессам, это мужественные люди. Представить себе не могу, как можно взять на себя такую ответственность и сесть за штурвал, когда за спиной у тебя столько людей.

Жизнь настолько ускорилась сейчас, ещё совсем немного, и сообщения о катастрофе перейдут с первых полос газет на другие полосы, а выводы комиссии о причинах трагедии выйдут тогда, когда переживания останутся острыми только для тех, кто потерял в этой трагедии своих близких и друзей.

Вчера встретился с другом, у которого в Перми несколько ресторанов, хотя сам он москвич, и разговор тоже зашёл о катастрофе. Я рассказывал, какой у меня получился ужас-

ный, тяжёлый день... И мой друг, очень деловой и суровый бизнесмен, сказал, что по собственной инициативе организовал питание для родственников погибших в авиакатастрофе в Перми и для штаба, который занимается расследованием и экспертизой. Он сказал, что пока штаб будет работать, его фирма будет всех кормить. Я точно знаю, что если бы разговор об этом не зашел, он бы ничего мне не сказал. Достойный поступок. И только самый извращённый ум может заподозрить человека, который его совершает, в желании попиариться или в еще какой корысти.

21 сентября

Некоторое время отсутствовал: были переезды, да ещё во время последнего спектакля подвернул ногу. Зрители ничего не заметили, да и я почти ничего не почувствовал. Так... неловко поставил ногу. Нога подвернулась, я ощутил короткую, как выстрел, боль, и спектакль пошёл дальше. А наутро нога уже болела... Бывает такое движение, когда раздается внутренний хруст, и жизненный опыт подсказывает, что на ближайшие пару-тройку недель ты обеспечен болью, ограничением в движении, медицинскими процедурами и прочими досадными обстоятельствами (*улыбка*).

В 2002 году я участвовал в фестивале, и у меня были гастроли во Франции в Нанси. Я жил в небольшой, приятной гостинице в центре. Возле гостиницы был магазинчик, где продавались всякие красивые и абсолютно ненужные вещи. В частности, разнообразные трости. Мне понравилась одна деревянная изящная трость, покрытая бирюзовым лаком. Я даже зашёл в магазин, попросил её с витрины и долго вертел в руках. Но подумал, что покупать трость – чистый понт, и мне это точно не нужно. И потом каждое утро и каждый вечер, уходя из гостиницы и в неё возвращаясь, я видел эту трость в витрине магазинчика и каждый раз боролся с желанием её купить.

Мне тогда нужно было сыграть восемь спектаклей. Я играл «Как я съел собаку». Французы приготовили мне в качестве декораций не бутафорские канаты, которые должны лежать во время спектакля на сцене, а настоящие, пеньковые, с настоящего корабля. Пеньковые канаты твёрдые, как камень, и неприятные на ощупь, как наждачная бумага. А поскольку спектакль я играю босиком, я изрядно оббил об эти канаты пятки. Но во время исполнения седьмого спектакля, в эпизоде, в котором я изображаю бас-гитару, случилась неприятность. В этом эпизоде мой герой падает, как бы сражённый вражеской пулей (*улыбка*). Существует определённая техника сценического падения. И вот я технично упал и, падая, угодил коленом, под самую чашечку, на этот пеньковый, твёрдый как камень канат. Боль была адская, искры из глаз летели. Я не знал в этот момент, что повредил сумку коленного сустава, просто крепко зажмурился от боли – и первая моя мысль была про бирюзовую трость. И эта мысль звучала так: «Куплю!!! Вот теперь точно куплю».

Трость действительно пришлось купить и долго с ней ходить. Трость не столько помогает передвигаться, сколько диктует осторожное поведение при ходьбе и сигнализирует окружающим, что с тобой надо быть поделикатнее. Теперь мне пришлось её снова достать и снова с ней ходить. Она по-прежнему очень мне нравится и потому несколько примиряет с неудобствами от травмы (*улыбка*).

23 сентября

Как-то, довольно давно, я просил в общении ЗДЕСЬ не употреблять без необходимости, а лучше – совсем не употреблять слова «позитив» и «позитивно». Объясню, почему...

Меня многие спрашивают, почему я вместо «:)» пишу слово «улыбка». Это очень просто, я уже объяснял: так это слово и эта эмоция становятся *заметны*. Я отлично понимаю, что многим недостаточно одних букв и обычного синтаксиса для точности выражений, им хочется передать интонацию и даже мимику. Вот я и вижу бесконечные «:))))», которые часто ничего не выражают, а ещё чаще представляют собой попытку извиниться за неспособность к точному высказыванию. Я не говорю, что такой способ выражения плох, просто он уже невыразителен.

Мне не нравятся интернет-сокращения и интернет-обороты. С ИМХО я ЗДЕСЬ уже почти не встречаюсь, это приятно, зато снова часто вылезает этот «позитив». Хотя оно, конечно, не сугубо интернетовское, это слово сегодня стремится к полной потере значения и смысла, как в своё время стремилось и достигло этой бессмысленности слово «гламур».

Я догадываюсь и даже не сомневаюсь, что когда меня благодарят за позитив, эта благодарность искренняя, но я уже не могу это слышать и читать. По той причине, что этим словом награждаются такие явления и такие факты сегодняшней жизни, с которыми я не то что не хочу быть на одном поле, не хочу даже ассоциироваться. Это слово само по себе висит над такими фальшивыми документами сегодняшнего культурного контекста, как фильм «Жара», и менее фальшивого, но в то же время сделанного исключительно ради «позитива» фильма «Питер FM». Я устал от этого слова. Мне неприятно слышать, когда кто-то говорит, побывав на концерте Земфиры: «Мы были на концерте! Такой заряд позитива!»

Какой позитив?! Всё её творчество проникнуто трагизмом, но при этом искренностью и жизнелюбием, подлинностью и чувствительностью человека без кожи! И если кому-то нравится её творчество, не стоит выражать свое отношение к этому творчеству одним только словом «позитив», нужно потрудиться найти другие слова. Земфира же трудится и находит то, на что отзывается столько людей...

Поверьте, и я тружусь. И мне неприятно слышать о моих спектаклях и книгах единственную оценку – «позитив», мне обидно это слышать. Хотя я понимаю, что меня искренне хотят похвалить. Но ведь есть много слов, которые точны, и у них нет шлейфа пошлости, бессмысленности и замусоленности сегодняшним днём.

Недавно давал интервью одному хорошему вдумчивому журналисту который задал интересный вопрос. Точнее, сформулировал, что есть некое поколение, некая плеяда художников, которое он определяет как поколение «Амели». В сего списке оказалось довольно много разнонаправленных людей: и Шнур, и Олег Нестеров, и Земфира, и Эрланд Лу и ваш покорный слуга, и ещё имена. Я несколько удивился и спросил, по какому принципу он собрал нас в одно поколение и даже плеяду. Он сказал, что, по его мнению, мы те люди, которые своим образом жизни и творчеством отстаивают некую норму жизни и свой личный способ существования. Я поразмыслил над этим и согласился, согласился с тем, что самое поразительное в Земфире – это трагическое понимание, что нормальная жизнь для неё невозможна, и в этом, разумеется, есть утверждение нормы. И в том, как живёт и что делает Шнур, есть полная противоположность норме жизни, но именно в этом заложено её утверждение. Про себя не буду даже говорить.

Вопрос журналиста заключался в том, каково, на мой взгляд, состояние дел на этом фронте, фронте отстаивания нормы и сокровенного способа существования. Я тогда ответил, что никакого фронта нет, мы все не одна команда и не можем составить некий фронт. Мы существуем отдельно друг от друга, но можно сказать с уверенностью, что о нас невозможно вытереть ноги. И при этом большинство не ощущают себя на войне, мы просто живём и трудимся, как можем. Правда, иногда кто-то с удивлением обнаруживает, что сходил в атаку. Но в целом, как выясняется, мы с тяжёлыми боями отступаем, как бы грустно это ни звучало.

Мне приятно читать, что территорию моего ЖЖ оценивают как особенную в интернет-пространстве. Для меня это предмет гордости и результат серьёзного труда, чаще приятного. Но так же часто мне приходится преодолевать раздражение, усталость и такие простые мысли, как: «Да на фиг мне это надо!» Чем чаще я читаю слово «позитив», тем чаще мне эта мысль приходит в голову. Потому что если бы не ЖЖ, то я бы не услышал большинства откликов, что, конечно, печально. Но в то же время я не услышал бы этого усреднённого, лишённого индивидуальности, эмоциональности, да и смысла слова «позитив». Моя большая просьба: давайте обойдёмся ЗДЕСЬ без него, в противном случае я буду ощущать наше отступление гораздо сильнее. Если мне пишут, что моя территория особенная, значит, в целом на просторах интернета тоже наблюдается отступление перед злобой, пошлостью, а главное, бессмыслицей.

Надеюсь, я все внятно объяснил (*улыбка*).

28 сентября

Сегодня исполнилось сто лет со дня рождения Ираклия Андроникова. Какой удивительный человек!

Какое важное явление в русской культуре! И как много он сделал лично для меня. Помню, как в первый раз увидел его по телевизору. Мне было лет двенадцать. В какой-то программе показывали отрывок из его знаменитого «Первый раз на эстраде». Я смотрел в одиночку, многое было непонятно и далеко не всегда смешно в то время, когда зал смеялся. Но что-то меня зацепило. И я потом стал пересказывать родителям то, что видел, чтобы узнать, кто же был этот человек, который так меня удивил. Мама сразу сказала: «Так это же Ираклий Андроников! Тебе понравилось? Я рада».

Его редко показывали по тем двум каналам, которые были в моём детстве. А потом у меня появилась его книжка о Лермонтове. Не помню, чтобы она меня сильно увлекла, но из вступительной статьи я прочёл про самого Андроникова и узнал, что он вовсе не артист театра и кино, а наоборот, учёный-литературовед. Тогда я впервые узнал, что бывают такие учёные.

Мои родители в те времена преподавали в институте, который назывался КемТИПП (Кемеровский технологический институт пищевой промышленности). Отец – экономику, а мама теплотехнику и термодинамику. В институт приезжали по распределению из Ленинграда молодые аспиранты, а мой отец учился там в аспирантуре. И у нас дома сложился этакий домашний клуб, куда приходили жившие в общежитии молодые ленинградские учёные. Папа варил глинтвейн, мама что-то готовила, часто играли в кинга или балду и подолгу беседовали. Меня из-за стола не прогоняли, хотя многое в этих разговорах было мне непонятно. Обсуждались книги, академик Сахаров, Солженицын, звучали стихи. И хоть про Андроникова за столом никогда не говорили, в том отрывке его выступления по телевизору я почувствовал что-то общее с разговорами и атмосферой, которая бывала у нас дома за глинтвейном.

В нём я тогда почувствовал невероятную притягательность и испытал желание быть таким же: умным, интересным и образованным человеком. Мне захотелось уметь рассказывать, а ещё больше – что-то знать.

Потом, увидев много записей его выступлений, я расслышал, с каким мастерством и как вкусно он владеет словом, будто подносит к нему увеличительное стекло и обнаруживает в нём совсем не очевидные смыслы. В нём была отдельная от меня и уже ушедшая или ушедшая эпоха. Но благодаря тому, как жизнерадостно и аппетитно он об этом говорил, эпоха и люди в его рассказах становились невероятно обаятельными и совершенно живыми. Я не являюсь знатоком и любителем симфонической музыки и оперного искусства, но благодаря исключительно рекомендациям и рассказам Андроникова хоть как-то прикоснулся к этим пластам. Он говорил о музыке и музыкантах так, что ощущалось чуть ли не слюноотделение и нестерпимое желание попробовать то, о чём только что услышал.

А ещё крайне важным было то, что тот образ, который он создавал, не был похож на образ академического учёного, отпугивавшего глобальностью познаний и совсем отдельной от тебя жизнью. Андроников создавал образ человека, живущего страшно увлекательной и притягательной жизнью, в которой много замечательных друзей, интересной работы, впе-

чатлений, путешествий, вкусной еды, вина, спектаклей, музыки, книг. Глядя на него, хотелось читать, слушать, учиться, работать. А то, что он был такого маленького роста и не имел артистического образования, показывало, что в жизни всё возможно (*улыбка*).

В нём было много свободы и жизнерадостности. У него было невероятно улыбчивое лицо. Глядя на него, хотелось улыбаться самому. Слушая его, хотелось ему подражать. А ещё в нём были благородство и достоинство. Такие достоинство и благородство, что невозможно себе представить и даже допустить мысль, что, живи Андроников сейчас, его можно было бы соблазнить деньгами на проведение корпоратива (*улыбка*).

Пожалуй, самым лестным в самом начале моей театральной деятельности были изредка звучавшие сравнения того, что я делаю, с тем, что делал Андроников. Эти сравнения всегда были с оговорками, что это всё не то и не так, как у него. Тем не менее сам факт пусть и отдалённых параллелей сильно согревал и даже обжигал радостью моё сердце. Я никогда не подразумевал сходство, и по сути наши сценические высказывания различны. Но когда я делал «Как я съел собаку», свой первый моноспектакль, и шёл к непростому решению одиночного выхода на сцену, я вспоминал об Андроникове, и он меня успокаивал. Какие-то его обороты и фразы я использую и цитирую. Не откровенно, незаметно, скорее для самого себя. А ещё он использовал слово «скучно» в особом смысле, и у меня оно звучит именно так, как у него. И ещё много других слов. Уверен, что многие годы Ираклий Андроников будет актуален и необходим для русской культуры не столько своими литературоведческими работами, сколько своими эстрадными выступлениями и телепередачами. Необходим будет его образ, содержащий соблазн быть образованным, умным, просвещённым, интересным и свободным. А ещё, мне кажется, его непременно должны были сильно любить женщины (*улыбка*).

Сегодня день прошёл под знаком этого прекрасного человека.

30 сентября

Как же мне было приятно читать ваши комментарии к предыдущему тексту! Я испытал истинную радость. Значит, всё-таки знаем, любим, слушаем, читаем. Даже не хочется употреблять слово «помним». Очень тронул рассказ одной читательницы про своего деда, у которого была переписка с Андрониковым. При этом дед не был ни другом, ни даже знакомым Ираклия Андроникова. Он был читателем и зрителем, который написал любимому автору письмо, а автор прочёл и ответил. И была переписка. Значит, всем нужна обратная связь (*улыбка*). Всем нужен существенный и несуетный отклик.

Завтра у дочери день рождения, тринадцать лет. Как же она за этот год повзрослела, просто поразительно! Раз – и уже барышня. Правда, она ещё балансирует на тонкой грани между совсем ещё ребёнком и юной барышней. Это и грустно и прекрасно, и даже как-то торжественно. Завтра постараемся её порадовать.

За окном чудесный осенний вечер. Клён совсем красный, а грецкий орех ещё зелёный. Орехов очень много, вот они, прямо за окном. Берёзы скидывают ещё зелёные листья, и город становится золотым. А над нашим домом уже потянулись косяки птиц. Величественное и печальное зрелище. То маленькие косяки, то побольше. Летят в одном направлении. Видимо, знают, куда (*улыбка*). Покрикивают, улетаая.

11 октября

Сегодня ночью вернулся из Тулы в Москву. Был, правда, вариант переночевать в Туле, в гостинице «Москва», у вокзала, но больно удручающее впечатление произвела гостиница. В частности, тронуло то, что при получении ключей от номера вы ещё получаете пульт от телевизора, а при отъезде этот пульт надо сдать. К тому же при выходе из номера дежурная на этаже ставит на карточку гостя штампик, что выезд разрешён, эту карточку со штампиком нужно показать внизу охране, и тогда тебя выпустят. Полное ощущение пересечения государственной границы. Такого я на просторах нашей страны не встречал, хотя пожил в гостиницах почти всех областных центров. Короче, я решил отправиться не в гостиницу «Москва», а в город Москва, где в данный момент и нахожусь.

Двигался я эти дни из Вологды через Иваново и Рязань до Тулы. И хорошая погода всё время ускользала. В Вологде было туманно, холодно и дождливо, а из Иванова сообщали, что у них тепло и прекрасно. Приехали в Иваново – дождливо и туманно стало там. А из Рязани говорили, мол, давайте к нам, у нас тепло! Так и прокатились. Всё через туман и дождь. Но такая погода очень хороша для театра, приятнее идти в театр в плохую погоду, чем в тёплый вечер. Тогда не жалко пропускать последние погожие осенние вечера.

Спектакли прошли очень хорошо: начало сезона, ещё нет усталости от гастрольных переездов, а наоборот, есть ощущение того, что соскучился по спектаклям и публике. Даже по звонкам мобильных телефонов во время спектакля. В Рязани перед началом случился курьёз. В зале никак не хотел гаснуть свет, просто не выключался. И никто в рязанской филармонии не знал, что с этим можно сделать. В итоге явился какой-то человек и просто выдернул провод. Свет погас, но зрительный зал и я в том числе полчаса недоумевали, как же пройдёт спектакль и сможет ли он вообще состояться. Но ничего, состоялся. Было даже ощущение совместной победы над электричеством.

Перед выездом на гастроли я закончил написание новой редакции «ОдноврЕмЕнно». Текст сильно обновлён, от своего первоначального варианта решительно отличается – не только содержанием, но и способом изложения. Иллюстрированная книга «ОдноврЕмЕнно», скорее всего, выйдет в начале следующего года. Книга по этому «живому журналу» выйдет уже в ноябре, называться она будет «Год жжизни». В неё войдёт практически год *здешних* записей. Я свои тексты ЗДЕСЬ не перечитывал, но редактуру книги прочел и даже получил известное удовольствие. Интересно было наблюдать, как развиваются мои отношения с этим пространством, забавно вспоминать забытые переживания полугодовой и более давности.

Позавчера говорил по телефону с Вахтангом Константиновичем Кикабидзе. Мы договорились, что как только будет возможность и будет додумана идея, запишем как минимум одну совместную песню. Он послушал нашу с «Бигуди» песню «На заре» и согласился с нами поработать. Приятно, правда?

О чём же ещё я забыл упомянуть... Ах да! Посмотрел фильм «Адмирал». Я потрясён. Мне представляется, что это уже просто культурная провокация. Более безразличной по отношению к историческому материалу, циничной и фальшивой по отношению к жизни, культуре и кинематографу картины я, пожалуй, не видел. Правда, в тульском кинотеатре зрители ели попкорн и щёлкали семечки даже во время самых пафосных сцен. Это как-то

примирило меня с действительностью. А во время последней сцены, которая бессовестно и вчистую содрана из фильма «Титаник», несколько культурных молодых людей даже в голос засмеялись, распознав плагиат. Это меня тоже успокоило. Если у вас есть сомнения насчёт того, идти на этот фильм или нет, – не ходите. А если кому-то фильм понравился, постесняйтесь в этом признаваться даже самим себе.

12 октября

Прочел комментарии к предыдущему своему высказыванию и почувствовал определённый азарт. Обычно я вообще воздерживался от высказываний о художественных произведениях или говорил только о том, что мне нравится. Только иногда приводил примеры, считая их показательными и иллюстрирующими некие тенденции. Вчера я высказался по поводу фильма «Адмирал». Сейчас, не собираясь рецензировать картину, поясню своё высказывание.

Я считаю фильм «Адмирал» крайне показательным явлением. Художественным произведением назвать его не могу, потому что этот фильм таковым не является. Мне довелось принять участие в консультациях по поводу написания сценария об одном историческом персонаже, выдающемся шахматисте Алёхине. Удивительная, трагическая и прекрасная личность с запутанной судьбой, с блистательными победами и таинственной смертью. Ещё его жизнь зацепила несколько эпох. Написание сценария предлагалось нескольким авторам сценариев нашумевших и известных фильмов. Мне же нужно было оценить их работу. Все сценарии получились, по сути, похожими один на другой. Никому не был интересен Алёхин, никому не была интересна основа его жизни – шахматы. Идеи сценариев сводились к тому, чтобы придумать запутанную любовную линию, берущую начало из детства, или историю мести, которая брала своё начало в юности, а всё остальное прилагалось к высосанным из пальца стандартным любовным или полудетективным схемам. Людям, которые создают в год по пять-шесть сценариев, было решительно всё равно, о чём писать. Причём они охотно предлагали сразу несколько вариантов. Некоторые из тех сценариев были очень похожи на то, что мы увидели в фильме «Адмирал». Только без шахмат, а с кораблями и Гражданской войной.

Фильм «Адмирал» – это откровенный бизнес-проект, о чём свидетельствует как набор исполнителей, так и избранная тема. Я уж не говорю о способе её подачи. Полное отсутствие подлинных переживаний авторов фильма особенно заметно в том, как фильм смонтирован. Нет ни одной внятной продолжительной и драматургически выстроенной сцены. Рубленый монтаж, псевдомодная клиповая съёмка, постоянно движущаяся камера и постоянно звучащая пафосная музыка. И ни у одного, даже одарённого артиста не было возможности хоть что-то сыграть. В фильме нет ни героя, ни подвига, ни родины, ни любви, а есть лишь картинки, иллюстрирующие и то, и другое, и третье.

Разумеется, от художественного фильма нельзя требовать документальной точности, но откровенной лжи быть не должно. Адмирал Колчак был выдающимся офицером и организатором. Командуя эскадренными миноносцами на Балтийском флоте, он действительно сумел организовать дерзкое и отчаянно смелое минное заграждение, к тому же весьма эффективное. Вот почему так пошло и глупо выглядит адмирал Колчак, который из маленькой пушки расстреливает немецкий линкор и вообще один за весь флот решает все проблемы.

Откровенным издевательством над зрителем выглядит перестрелка у реки, когда пули разбивают ледяные скульптуры. Кто бы это, интересно, мог в девятнадцатом году, в голодном осаждённом Иркутске, наделать ледяных скульптур? Просто создателям фильма захотелось чего-нибудь красивенького, или ещё проще – подумали: и так съедят! Хочется красивенького. Хочется пошалить. И точно так же выглядит Бондарчук-младший, исполняющий роль отца, с плохо наклеенным париком. Фильм буквально не вмещает в себя то количество

штампов, которое в него затолкали. И ни один образ из большого числа эпизодов не складывается в цельную картину.

Что же касается моей фразы о том, что не во всём, что нравится, стоит сознаваться даже самим себе, – я полагаю, что, если вам нравится жёсткое порно, с мерзкими подробностями, в этом вряд ли стоит признаваться. А если вы в этом признались самим себе, с этим лучше бы побороться. Если вам нравится дешёвый и явно бодяжный, но сладкий портвейн, а хорошее вино не нравится, стоит хотя бы подумать о том, что, видимо, вы чего-то не понимаете или пока не доросли. Если спортивная победа наших спортсменов вызывает у вас, помимо радости и гордости, ещё и желание высказаться в том духе, мол, «так им, сукам!», а проигрыш наших спортсменов вызывает желание избить представителей выигравшей стороны, с такими чувствами надо бороться.

Если откровенная манипуляция, сделанная равнодушно и цинично по отношению к прекрасным, а иногда и святым проявлениям человека, а также историческим событиям, вызывает у вас искреннюю слезу и искреннее переживание, нужно по возможности честно признать, что вас обманули, причём обманули так же спокойно и цинично, как делали фильм. И попытаться найти другие поводы для переживаний и впечатлений.

Догадываюсь, что сейчас начнётся. Но поверьте, обладая большей информацией о том, что происходит в культурной жизни страны, я и переживаю по этому поводу сильнее. А фильм «Адмирал» находится на самой верхней и откровенной ступени того ужаса, который творится в кинопроизводстве. Все те, кто был занят телесериалами, кинулись производить так называемые телемуви, то есть недорогие телевизионные фильмы для показа по выходным. И этого добра в производстве несколько сотен. Думаете, творческий порыв? Просто поняли, что можно дёшево снять по дешёвому сценарию с недорогими артистами что-то похожее на кино и выгодно продать телеканалу. Быстро и легко. Дёшево и сердито. Первые образцы уже пошли в народ. Вот я о чём говорю... Не поддавайтесь.

13 октября

Прочел многочисленные комментарии к предыдущим текстам. Настроение улучшилось. Да и домой радостно вернуться. Как же радостно возвращаться домой после хороших гастролей!

14 октября

Однажды в школе я отчаянно пытался объяснить учителю, что сделал что-то не нарочно. Но говорить, что не нарочно, не хотел. Потому что полагал: то, что я сделал, нарочно сделать невозможно. Если б я такое сделал нарочно, меня можно было бы счесть либо негодяем, либо сумасшедшим. Я сказал тогда учителю, и мне мое высказывание запомнилось: «Я не хотел вас обидеть, это вы сами обиделись» (*улыбка*).

За полтора года в ЖЖ я наблюдал самые странные вещи. Сменилось несколько поколений активно пишущих и комментирующих людей. Регулярно читал послания типа: «Я думала, вы хороший, верила вам, любила то, что вы делаете, а теперь поняла, что вы плохой, злой, лживый. Ухожу от вас...», а после таких слов чаще всего шло неискреннее пожелание успехов и процветания. И такие послания можно было получить в ответ на самое невинное высказывание.

Очень часто читаю предостережения по поводу наметившейся у меня звёздной болезни. Кто-то пытается вывести на чистую воду тех, кто обращается ко мне с благодарностью или просто не возражает. То есть выводят на чистую воду большинство тех, кто сюда пишет, а заодно и меня. Мне нравятся такие предостережения. Я слушаю их уже много лет после каждого вышедшего спектакля и книги. Мне они нравятся, потому что мне хочется верить, что в них содержится искренне беспокойство за меня (*улыбка*).

16 октября

Хочу ответить на ряд вопросов по книге, которая скоро выйдет. Книга «Год жжизни» будет очень простой по сути. У меня было большое желание включить в книгу ряд комментариев ОТСЮДА, потому что на многие комментарии я реагировал, и именно они определили содержание многих высказываний. (Я очень не люблю слово «пост».) Но от этой идеи пришлось отказаться в силу трудности выбора и оформления такого рода текстов в цельную книгу. Было желание снабдить книгу диском, который бы содержал фотографии, видео и музыку. Но от этой идеи тоже отказались, потому что это была бы не совсем книга, а что-то среднее и ненужное (потому что всё равно понадобился бы компьютер). В итоге пришли к тому, что книга будет представлять собой классические дневниковые записи, из которых удалены становящиеся непонятными по прошествии времени или без комментариев куски. Так что книга совсем простая, но при этом внятная (*улыбка*).

После того как ЖЖ стал для меня регулярным делом, я обнаружил, что стал меньше давать интервью. Намного меньше. Я часто не вижу поводов для контактов с прессой, потому что полагаю, что и так уже высказался на ту или иную тему в ЖЖ. Да и при нечастых встречах с журналистами я всегда слышу вопросы или ссылки на свой журнал.

Когда что-то объясняю по поводу того, что было непонятно в предыдущем тексте, часто читаю, мол, что вы оправдываетесь, не надо оправдываться. Меня это удивляет: в моих объяснениях не содержится оправданий. НИКОГДА. Просто я уверен, когда возникает непонимание или недопонимание, нужно пытаться сказать о том, что не понято более внятно или подробнее. И я не устаю это делать.

Я искренне убежден: если есть возможность говорить и обсуждать – надо это делать. Не существует запретных или закрытых тем. Если такие темы возникают, накапливается непонимание, недоверие, а часто и взаимный страх. Надо начинать разговор, даже если ты не видишь шансов к тому, чтобы он привёл к конкретному результату. А если разговор ни к чему не приводит, необходимо начинать следующий. Если мы продолжаем говорить, значит, мы друг от друга не отказываемся.

Сказать, что я не намерен разговаривать на ту или иную тему, сказать, что это не телефонный разговор, сказать, что я ещё не готов на ту или иную тему разговаривать, оставить за собой последнее слово, выкрикнуть что-нибудь напоследок и бросить трубку или хлопнуть дверью – самое простое, иногда приятное, чаще всего кажущееся достойным и безусловно тупиковое высказывание.

Лет пять-шесть назад, устав от внимания журналистов и раздражаясь на постоянно повторяющиеся вопросы, а главное, сердясь на то, как неадекватно и невнятно потом выглядят изложенные журналистами мои высказывания, я твёрдо решил говорить и отвечать только на те темы и вопросы, которые очевидно интересны тому, кто спрашивает, и небезразличны мне. Я раз и навсегда отказался от участия в фиктивных и бессмысленных разговорах. А ЖЖ укрепил меня в этом. Так что я благодарен всем тем, кто задавал и задаёт ЗДЕСЬ существенные вопросы, высказывается искренне и сильно... Всем тем, кто поддерживает мой интерес и ответственность к тому и перед тем, что ЗДЕСЬ происходит.

18 октября

Завтра вылетаю в Екатеринбург. Потом Москва, потом Алма-Ата. Предстоит короткий, но очень интенсивный тур: за две недели – исполнить восемь спектаклей и три концерта.

А в Калининграде всё резко пожелтело и стремительно стало осыпаться. Для нас это очень ранняя осень, прекрасные, солнечные и золотые дни стоят здесь до конца октября. А тут налетели ветры злые... Не особенно удаётся противостоять осенней печали с прослойками тоски. Птицы улетели ещё не все, а оставшиеся выглядят зябко и неприкаянно. И ещё не могу отделаться от печального ощущения происходящего.

Нет-нет, я не о кризисе, хотя кризис вещь очень серьёзная и для кого-то трагическая. Мне уже пришлось быть свидетелем крушения бизнес-судеб многих своих знакомых. Иные находятся в длительном полупаническом-полуистерическом состоянии. Но это всё-таки люди, которые по миру не пойдут и с голоду пухнуть не будут. Гораздо сильнее я сочувствую тем, кто вложил с трудом заработанные деньги в строительство долгожданной квартиры, а получит эту квартиру через несколько лет, если это вообще произойдет. И очень сочувствую тем, кто, например, долго ждал новую должность, а теперь на грани увольнения. Но не в первой. Опыт есть. С кастрюлями по улицам, как в Аргентине, мы ходить не будем, даже если сильно прижмёт.

Вчера долго разговаривал по телефону со своим товарищем... Кстати, он испытывает весьма сильные потрясения, связанные с кризисом... В общем, мы решили, что кризис не так уж плох. Во всяком случае, он вернёт большому числу людей чувство реальности. Это я про тех, кто потерял такое чувство и почувствовал себя если не небожителем, то кумом королю. Они жили так, как жить нельзя. Ну нельзя! А ещё мой товарищ сказал: «Может быть, теперь не так много будут вбухивать денег в кино. Может быть, приостановится это безумие. Ведь все кому не лень стали кинопроизводителями».

Может быть. Не знаю. Но то, что ощущаю очень остро, – это практически полное отсутствие контекста, хотя сам являюсь частью этого контекста. Я имею в виду культурный контекст. Если в театре ещё наблюдаются прорывы, если в литературе ещё можно на что-то ориентироваться и опереться, хоть с большим трудом, но можно, то в кино совсем беда. А контекст необходим. Контекст сам по себе определяет уровень, ниже которого, если и можно – стыдно опускаться. А когда нет контекста, не стыдно ничего.

Поясню. В Великобритании и Америке существует невероятно высокий музыкальный уровень. По этой причине практически каждая группа чуть ли не любого колледжа демонстрирует такой саунд и такой драйв, какой труднодостижим для наших самых прославленных рок-н-рольщиков. Я часто смотрю сейчас отечественные фильмы шестидесятых-семидесятых годов. Многие помню ещё с детства, помню, как они мне не нравились. Многие раздражали. Да и сейчас вижу: так себе кино. Но это кино! В большинстве этих фильмов есть киноязык, есть стиль, видна работа. И очень хорошо виден некий средний уровень. А сейчас этого уровня нет. Пожилые мэтры на контекст не влияют. Они либо находятся в полувмняемом состоянии, либо исходят желчью по поводу сегодняшнего состояния культуры, либо создают произведения для узкого круга ортодоксальных поклонников и некоего круга специалистов. Есть среди них достойные люди, которые преподают студентам и давно уже не выходят на съёмочную площадку. Ну и ещё всё просвещённое киносообщество ждёт завершения многолетнего труда любимого и прекрасного Германа-старшего. Ждёт с надеждой, сомнениями и раздражением, мол, сколько можно ждать. Но даже если это будет под-

линный шедевр, он не может составить контекста. И в хорошем же смысле скромные работы Хлебникова, Попогребского и некоторых других только и дают возможность сказать, что не всё потеряно. Но на самом деле состояние плачевно.

А главное, совершенно не чувствуется поступков. Наоборот, чувствуется их отсутствие. Для произведения искусства поступок художника – часто самое главное. И в этом смысле фильм «Пыль», сделанный на карманные деньги, – гораздо больший поступок, чем вся жизнедеятельность Тимура Бекмамбетова, наибольшие достижения которого приходятся на начало творческого пути, когда он снимал замечательную рекламу.

На днях пересмотрел в очередной раз фильм «Бег» Алова и Наумова. Очень рекомендовал бы тем, кто гордится слезами, выжатыми из них фильмом «Адмирал», посмотреть «Бег». Вот где поступок! В голове не укладывается, как можно было снять такое кино тогда. Я даже не буду говорить о художественных достоинствах фильма – у него сплошные достоинства. Но как им тогда удалось в такой тональности сказать о трагедии белого движения?! Какое у всего этого обаяние. Какая любовь! Какое чувство Родины! Да и патриотизм, в конце концов. Поклонники «Адмирала», не считите за труд, прочтите «Белую гвардию» Булгакова – или посмотрите «Дни Турбиных». Да даже в фильме «Адьютант его превосходительства», при всей его идеологической заданности, гораздо больше благородства и аристократизма.

Не надо гордиться своими слезами во время просмотра таких кинофильмов, как «Адмирал». Ох, не надо! Эти слёзы так же легковесны, как смех, вызванный телевизионным юмором. Лёгкость, с которой сейчас извлекаются смех и слёзы, поражает.

И ведь всё так стремительно меняется. Если полтора года назад я гневался и даже рассуждал о пошлости и бессмысленности Петросяна, то сейчас он вспоминается как что-то чуть ли не милое и ностальгическое. Его место заняло такое!.. Если несколько лет назад мы думали, что Сердючка – это всерьёз и надолго, то сейчас она/он – далёкое воспоминание. Если Ксения Собчак ещё совсем недавно была образцом беспредельной наглости и пошлости, то теперь она выступает чуть ли не экспертом по вопросам культуры. Во всяком случае, её мнение кем-то востребовано. Если П. Листерман издаёт книгу, и кто-то её покупает, и на эту книгу расходуется бумага, а для того чтобы сделать эту бумагу, рубят деревья... Если Егор Кончаловский продолжает снимать кино, и кто-то потом покупает билеты в кинотеатр... Этот ряд бесконечен. Думаете, мне не больно видеть людей, которых я считаю своими коллегами и даже друзьями и которые вдруг начинают вести отчаянно пошлые программы на НТВ, и в этих программах показываются в обнимку именно с теми образцами пошлости, с которыми ещё совсем недавно пытались бороться...

Не думайте, я не пытаюсь стусить краски. Я далёк от кризисного и отчаянного мироощущения. Просто иногда накатывает.

Хочу сказать тем, кто написал, мол, пусть снимают, пусть делают, вы не лезьте, не критикуйте, не навязывайте никому своего мнения, короче, помалкивайте, мол, когда-нибудь количество перерастёт в качество. Простите, не могу. Полагаю, что заработал право не только иметь своё мнение, не только его высказывать, но и на нём настаивать. И из того количества, которое мы имеем, никакого качества не возникнет. Не может из этого потока выкристаллизоваться что-то настоящее.

Но и сердиться на всё это нельзя, я понимаю. Нельзя начать делать что-то в пику и вопреки тому, что происходит. Ничего не получится. То, что делается вопреки, вырастает

из того же корня, что и то, вопреки чему это делается. Настоящее появляется из чистого замысла.

24 октября

Вернулся сегодня из Екатеринбурга в Москву. Екатеринбург в очередной раз меня поразил. Год не был в городе, а там такого за это время понастроили! Достроить, правда, не успели, по-прежнему неуютно, как в квартире, в которой приходится жить и одновременно делать ремонт, но размах замыслов поражает. И ещё очень порадовал состав пассажиров, когда летели в Екатеринбург и возвращались в Москву. Всё какие-то нестарые, современные люди, для которых этот маршрут явно привычный, много иностранцев, которые тоже, видно, летают по нему часто и в основном вполне сносно, а то и бегло говорят по-русски. То есть наполнение самолёта гораздо более опрятное, деловое и современное, чем рейсы на Ганновер, Дюссельдорф, Тель-Авив или Америку в целом. (Представляю, какие будут отклики из-за пределов страны *(улыбка с подмигиванием)*.) Разговоров про кризис везде много, не только в самолёте, но и в Екатеринбурге, но уже слышал хорошие анекдоты. А если есть хорошие анекдоты на тему кризиса, значит точно переживём.

Спектакли в Екатеринбурге прошли очень хорошо. Чувствуется, что за год мы друг по другу соскучились. Здесь практически самый большой театральный зал из всех, в каких приходится играть, и все три вечера были аншлаги. И профессионально, и по-человечески очень приятно.

27 октября

Какая удивительная погода сегодня стояла в Москве! Как прекрасна была столица нашей родины! Она и вправду была златоглавая – это такая редкость! И многие люди красиво одеты, потому что самая элегантная одежда, на мой вкус, это лёгкие демисезонные пальто, твидовые пиджаки и плащи. Нам в нашем климате так мало удаётся это поносить. Всё как-то холодно, холодно, потом дожди, дожди, а потом бабах! – и все уже в шортах. А вот сегодня было красиво. И довольно много дам в шляпках – на Тверской.

В этом смысле сильно завидую американцам. Правда, я бывал там совсем немного, но зато фильмов видел много. Как часто в американских фильмах бывает поздняя осень или ранняя весна, и видно, что не тепло, но при этом солнечно и красиво. Это моя самая любимая погода. Правда, в такую погоду довольно часто бывает высокое давление, очень высокое, и болит голова (*улыбка*).

Завтра похоронят великого Муслима Магомаева. «Урожайным» оказался этот високосный год, а он ещё не закончился. Шестьдесят семь лет, всего ничего. Очень, очень жаль. Все те, кому сорок с небольшим, жили с ним с самого-самого детства. «Бременские музыканты-2» – это же просто гениально спето. Для меня он всегда был нашим Элвисом. Не знаю теперь, с каким ощущением буду говорить про Элвиса в спектакле «ОдноврЕмЕнно» и изображать песню под магомаевский «Луч солнца золотого».

Помню очень сильное и абсолютно трагическое ощущение исполнения спектакля «Как я съел собаку» после того, как умерла бабушка. Мне повезло, у меня долго были бабушки. Одна умерла четыре года назад, другая – два года назад. В спектакле «Как я съел собаку» много говорится про бабушку. Конечно, там это некая условная бабушка, и я писал этот текст так, чтобы каждый мог вспомнить свою. Но для меня-то она была совершенно конкретная, живая и любимая. И мне было весело и легко говорить слово «бабушка» со сцены, когда обе были живы. И я сам был совсем юным до тех пор, пока у меня была возможность кого-то так называть, к кому-то обращаться «бабушка». А потом их не стало. И я не могу уже себя ощущать в какие-то моменты таким молодым.

Умер Муслим Магомаев. Когда такие, как он, уходят, остро ощущается безвозвратность ушедшей юности. С ними, собственно, уходит и юность. Позади, всё дальше и дальше, остаётся двадцатый век. Но, думаю, наш Элвис и Элвис Пресли сейчас где-то вместе. Они заслужили, чтобы им там было хорошо.

31 октября

Погода в Алма-Ате такая же, как в столице России, – пасмурно и беспросветно. Впрочем, мне было не до погоды. С удовольствием сыграл в алмаатинском ТЮЗе «Как я съел собаку», который давно не исполнял и до следующей осени исполнять не буду. Поразила часть алмаатинской публики. В целом публика тёплая, внимательная и вполне театральная, но так, как там, на спектакли не опаздывают нигде: начать удалось только через полчаса после третьего звонка, то есть заявленный на семь часов спектакль начался в половине восьмого. А были и опоздавшие, которые заходили в зал в половине девятого, причем совершенно спокойно, целыми компаниями, и даже несли с собой какие-то пакеты, видимо, перед театром заехали в магазин, так что они совсем не были похожи на итальянских любителей оперы, которые едут в Ла Скала послушать любимую арию в середине второго акта. Забавно. Не могу сказать, что очень по этому поводу расстроился, но за свою большую практику с таким уж точно не сталкивался.

Хотя, конечно, пробки в Алма-Ате серьёзные. По городу перемещаться, особенно в ненастную погоду, тоскливо: всё стоит. Алма-Ата не похожа на другие такие же большие города, потому что у нее нет ярко выраженного центра. Все культурные и административные здания, а также клубы, рестораны, гостиницы весьма сильно разбросаны по городу, а пробки чудовищные. Зато концерт в клубе «Жесть» компенсировал все погодные неприятности и раздражение от пробок. Как же было приятно играть для такой публики! Как же много было счастливых и поэтому красивых людей! Особенно запомнилась девушка, что стояла не шелохнувшись весь концерт, и поэтому её было хорошо видно, – красивая элегантная казахская девушка. Она периодически включала телефон и держала его перед собой. Я думал, она звонит своему знакомому или друзьям и даёт возможность послушать, что происходит на концерте, а после концерта она подошла и сказала, что включала диктофон, чтобы потом поставить эту запись своей семимесячной дочери.

5 ноября

Страна отметила таинственный праздник хэллоуин, Америка выбрала нового и, как говорят, полезного нам президента, индексы разнообразных бирж отреагировали на это позитивно. Короче, всё неплохо. Вчера по телевизору показали сразу несколько исторических шедевров: «Волкодав», «Александр. Невская битва» и «1612». У меня была возможность немножко посмотреть ЭТО. Такие фильмы и являются подготовительными к тому, чтобы в итоге появился «Адмирал». На данный момент «Адмирал» – это апогей «осмысления» исторического наследия России. Но об этом много уже говорилось. Одно слово – кошмар.

Хочу совсем о другом. Вернулся домой. И хоть меня не было чуть больше двух недель, заметил, как что-то изменилось в детях. Старшая-то всё время меняется. Продемонстрировала мне купленную на зиму обувь, посмотрели с ней её любимые видео, скачанные из интернета, послушали пару песен. Оба были счастливы. А тут я стал перечитывать комментарии к прошлым постам и наткнулся на такой текст:

«Мне кажется, самым главным периодом в формировании моих мыслей, взглядов, был тот год между 14-ти и 15-летьем. И во многом на него повлиял папа. Пусть он этого не знал и не знает. Но мы, девушки, обладаем какой-то чудесной способностью „заглядывать“ в мысли. Для меня очень было важно немного со стороны смотреть за тем, что делает мой отец, и я всегда искала повод, чтобы только находиться с ним рядом. На дачу едет – отлично! Полью грядки, покатаюсь на качелях, искупаюсь...

В гараж – тоже хорошо! Покатаюсь на велосипеде, понажимаю на тормоз, чтобы с маслом разобраться...

Сидит с бумагами работает – замечательно! Помогу посчитать, заточу карандаш или подам, что нужно.

Отдыхает / смотрит фильм – присяду тихонечко рядом и буду наблюдать.

Не знаю, одна ли я такая, или кто-то ещё так делал в этом возрасте и не только, но папу своего я очень люблю.

И благодарна ему за все. Хотелось бы даже... „попросить“, чтобы вы тоже проводили много времени вместе... Даже не ходили куда-то, а так, в домашней обстановке, о чем-то разговаривая...

Не знаю, почему захотелось вам это сказать, но сказала...»

Как прекрасно написано! Как бы я хотел, чтобы и моя дочь по прошествии времени могла так вспомнить наше проведённое с нею время. Мне многое становится понятно благодаря этому тексту, потому что именно так Наташа себя и ведёт. Она приходит и смотрит со мной даже не интересные ей новости... А сколько радости у неё бывает оттого, что мы вместе смотрим какой-то её фильм! И пусть в моём присутствии она понимает, что фильм не очень хороший, хотя до этого казался хорошим, она всё равно сильно радуется оттого, что ей удаётся мне что-то показать и объяснить.

11 ноября снова надолго уеду. Ужасно неохота. Кто-то может не поверить в то, что мне не хочется лететь в Париж, кто-то может подумать, мол, зажрался (*улыбка*). На самом деле это будут трудные гастроли, десять спектаклей подряд. Я не люблю играть много спектаклей подряд в одном и том же месте. К тому же играть спектакли с переводчиком – очень сложное дело. Потребуется много репетиций и предельная концентрация внимания. И потом, перевод – это всегда компромисс. На самом деле мне больше нравится играть там, где идти на

компромисс не надо. Хотя Париж прекрасен, и мой переводчик Арно ле Гляник удивительный человек и настоящий интеллигент, преданный театру, искусству и смыслу. Но он такой перфекционист, что замучивает своим дотошным отношением к переводу даже такого щепетильного человека, как я.

6 ноября

Сегодня водил детей на «Мадагаскар 2». Все остались довольны. Прежде всего друг другом, ну и мультфильмом, конечно. Младшему, Саше, больше всего понравилась акула, которая появляется на экране на несколько секунд. То есть каждый нашёл своё. Я пил джин-тоник, дети ели попкорн. Лучшего времяпрепровождения не придумать.

Сегодня поступило приглашение принять участие в программе «Гордон Кихот». Из этого я тут же сделал вывод, что у уважаемого Александра Гордона есть ко мне претензии. Я подумал и отказался. Сообщаю об этом в ЖЖ, чтобы развеять всякие сомнения относительно того, что я опасаюсь участия в программе. Я видел одну с художником Никасом Сафроновым. Пожалуй, я разделяю те претензии, которые ведущий предъявлял нестареющему Никасу. Но разговор не получился, а по сути программа довольно неприятная. Ведущий и приглашённый разговаривали на разных языках. Было ощущение, что Сафронов даже не понимает, о чём речь.

Я отказался по той причине, что мне не хочется знать, какие могут быть и есть у Александра Гордона претензии к тому, что я делаю, и ко мне лично. Я не хочу этого слышать ни конфиденциально, ни на людях. К тому же в этой программе, как я понял, присутствуют сторонники и противники приглашённого. Я не хочу увидеть знакомых мне людей среди противников, и не прочу никому из знакомых и близких роли моих защитников. Пусть уважаемый Гордон со своими претензиями живёт без меня.

С Александром Гордоном мы познакомились, когда я играл спектакли в театре «Школа современной пьесы».

Он в этом театре актёрствовал, и весьма небезынтересно. Не хочу видеть знакомого мне человека и в чём-то коллегу в состоянии гнева и раздражения, адресованного мне. К тому же что-то мне неохота быть поставленным в один ряд с Никасом Сафроновым. А если буду в этом участвовать, я неизбежно в этот ряд попадаю. И даже не попадаю, а становлюсь, по желанию уважаемого ведущего. Полагаю, что могу обойтись без этого (*улыбка*).

А соревноваться в уме, остроумии и способности остро отвечать мне тоже не хочется. Мне кажется, это не моё дело. Лучше позанимаюсь в ближайшие дни детьми, а потом полечу в Париж и поиграю спектакли.

8 ноября

Не ожидал в комментариях таких жёстких приговоров Гордону. Я к Александру отношусь иначе. Он существует в телевизионном контексте очень давно, делал любопытные вещи – и какие-то вещи совершенно бессмысленные. Но всегда старался сохранить свою отдельность, свою интонацию. Зачастую он говорит весьма умно и даже взволнованно. Правда, потом делает какие-то странные и совсем не умные поступки. Но он человек телевидения, у телевидения свои законы, и мне эти законы непонятны. В любом случае, телевидение устраивает аттракцион. Это может быть интеллектуальный или похожий на интеллектуальный аттракцион, а может быть ужасный в своей бессмыслице и пошлости – но это всегда развлечение.

На днях посмотрели с дочерью дома фильм японского аниматора Макото Синкая «5 сантиметров в секунду». Пожалуй, ничего подобного прежде не видел, это шедевр. Три новеллы о юношеской любви. Причём, одна может разорвать сердце чувствительного мужчины, а другая то же самое может сделать с чувствительной женщиной. Это высокохудожественно, вас накрывает эта картина и захватывает с первых кадров так, будто вы сели в автомобиль, а через три секунды уже мчитесь со скоростью 200 км в час. Мультфильм нарисован так, что практически каждый кадр можно напечатать в виде плаката. Очень рекомендую посмотреть.

Кстати, в комментариях я встретил разные высказывания о втором «Мадагаскаре». Так вот, я не хвалил мультфильм и не рекомендовал его к просмотру. Я хотел только сказать, что мы с детьми остались довольны этим походом. Чувствуете разницу? (*Улыбка.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.